

Наталья Ковылина

Истинное – незримо

Наития

2016
Fiolle Studio
Серия "Fiolle Library"
Минск

Творчество Наталии Ковылиной привлекает непредсказуемостью метафор и многообразием ассоциаций. Это Поэзия Пограничий: балансирования на грани жадного любования жизнью и неизмеримой усталости от неё... полноты восприятия на грани Присутствия и Отчуждённости... прекрасных прогулок Рассказчика по грани значений и стилей... В этой книге поэтическое наитие сполна проявляет загадочную изменчивость состояний души, пребывающей в том хрупком межмирии, где сходятся свободолюбие и призвание.

© Ковылина Н.В., поэзия, эссе, 2016

© Стизорик Т.М., составление,
сопроводительный текст, 2016

книга впервые опубликована
на сайте www.fiolle.by

Осенний закат в ветвях огромных деревьев... Я бегу и бегу, глядя на это небо. Кажется, что взлечу и полечу куда-то, и это будут не просто другие края, а какой-то иной уже, таинственный мир – радостный, неисчерпаемый и головокружительный в своей тайне.

Природа всегда была для меня проводником к тому, что за гранью. Я чувствую и знаю – это есть, пусть даже в него мало кто верит. Большинству – ближе зримые истины. Для меня то, что истинно, – незримо.

Моё "безумие" – жить сразу в двух мирах. Здесь – быть приемлемым, "нормальным" человеком, и делать всё, что нужно, и... быть внутренне свободной и открытой непостижимому.

Все мы рождаемся с искрой самобытности, каждый из нас чем-то отличен от других. Но с детства нас приучают к норме – к общепринятой мере: как мы должны выглядеть и как себя вести, кем быть и чем интересоваться. И мера – это прекрасно. Мера – позволяет нам общаться и понимать друг друга, помогает взаимодействовать...

Но безумие – основа всего.

Потому мои стихи порой нелогичны и парадоксальны, потому они образны, могут поставить в тупик и заставить задуматься. Личное "безумие" – это мой путь в иную реальность, приобщение к глубокому, яркому, мощному в своей энергии миру. Приобщение к моему истинному Я.

Каждому даётся своя мера "безумия", а мне его дано с избытком. Видеть необычное в обычном, быть не похожей ни на кого, чувствовать Глубину. Быть непохожей и непокорной – значит, *вести* к этой Глубине и Тайне, а не уводить от них. "Кредо" – чёрствое слово об этой сути моей души.

*Наталья Ковылина,
июнь 2016*

Безумье вечное поэта –
Как свежий ключ среди руин...
Времён не слушаясь запрета,
Он в смерти жизнь хранит один.

Владимир Соловьёв

Небеса, корабли...*

1.

Снова бури, туманы,
Небеса, корабли.
Снова дальние страны
Заблудились вдали.

Снова дни или ночи
Не дошли до земли.
Снова бури, туманы,
Корабли, корабли...

2004 г.

2.

Просыпаются так океаны,
Просыпаются так и горят.
Разлетаются в разные страны
И зенит, и закат, и заря.

И просторных ночей закипанье,
И атака бушующих дней –
Всё напомнит: Земля улетает,
Ну а мы – улетаем за ней.

2004 г.

3.

Охвачен чёрными смерчами,
Мир переводик и перевоздан,
И безудержными дождями
Рыдает небо-океан,

А утром солнце льёт лучами...

1996 г.

* – Данный цикл составлен Автором.

4.

Море цвета индиго,
Белопенный прибой.
Ночь слепая застигла
Нас, безумных, с тобой.

Власть заломятся пальцы,
Страсти вспыхнет кольцо,
И простые скитальцы
Смерть увидят в лицо.

1993 г.

5.

Он знал силу ветра
И силу воды,
И солнце на нём
Оставляло следы.
И в дальние страны
Лежали пути,
Сто лет по которым
Идти и идти.
И сонные реки
Сливались в моря,
В которых таилась
Иная земля...

2003 г.

6.

А на Сахалине –
Берег океана,
Берег океана,
Тихого как ночь.

А на океане –
Губы Марианны.
Тонут капитаны,
Чем же им помочь?

А на Сахалине –
Берег длинно-синий,
Острова в тумане,
Перекрёстки линий.
С горизонта прочь
Улетает суша.

Ты не спи, а слушай,
Ты не спи, а слушай.
Чем тебе помочь?

2003 г.

7.

На небе луны –
Луна к луне.
На море волны –
Волна к волне.

На волнах – чёрным,
Идут ко дну
Большие чёлны –
Челны к челну.

2005 г.

8.

Угасающие души –
Опадающий туман.
Угасающие души
Уплывают в океан.

Их – течением неспешно
Унесёт на край Луны.
Угасающие души
Забываем. Спасены.

2004 г.

9.

В небе прозрачном открылась звезда,
А на звезде – голубая вода,
А на воде – корабли, корабли,
Те, что приносит ветрами с Земли.

2003 г.

10.

Нашей древней планете
Не простить океан –
Им украдены ветры,
Разошлись по морям,

И отныне над сушей –
Только сон, только взмах.
Ты прости эти ветры,
Что летают в морях.

2004 г.

11.

Я просыпаюсь в море
Тысячи лет назад.
Я собираю в море
Дивных зверей глаза.

Глубже ныряю, глубже –
К сердцу времён Земли.
(Позже стальные лужи
В этих местах нашли.)

Выдох и снова выдох,
Водит вода рукой.
В грубых солёных глыбах
Море хранит покой.

2001 г.

12.

Мёртвому – море, живому – земля.
Мёртвому снятся иные моря.
Мёртвым прощаются все корабли,
Что не достигли когда-то земли...

2003 г.

13.

Пусть умёршие птицы кричат,
Облака превращаются в град.

Пусть умершие рыбы, любя,
На волнах укачают тебя.

Утонувшие пусть корабли
Унесут тебя к центру Земли.

2003 г.

14.

Ветер поёт с луною,
Спит под рукой океан.
Я обняла собою
Весь полуночный стан.

Только теперь – в покое
Тонет луна, земля.
С ними рука утонет,
Пусть утону и я...

2007 г.

В жизни неземной

* * * *

Не оставляй молитву без души –
Она в огромном тонет мирозданье,

Ты тёплые слова её спеши
Скорее поддержать своим дыханьем!

Не оставляй молитву без души...

2007 г.

Любите, любите, любите!

Любите, любите, любите! –
Пока не разбудят свинцом.
В жемчужные белые нити
Смелей окунайте лицо!

И праздник, и смех, и удача –
Лишь жалкие крохи любви
Над домом угасшего плача,
Над горсткой мышьиной крови.

2006 г.

* * * *

Со-Бытиё больной души... и Бога –
Измученной, израненной души.
Со-Бытием упрощена дорога,
Не меркнет свет во мраке и тиши.

Но прочность дня – хранит на сердце холод:
Не будет тьмы, не будет бури той,
И ты лежишь, недвижим и заколот,
Пока ласкает солнечный прибой.

2014 г.

* * * *

Царство Божие внутри –
Как таинственное озеро.
Царство Божие – внутри
Все оттенки разморозило.

В Царство Божие войдѣшь,
Окунѣшься и надышишься,
В Царстве Божиим уснѣшь –
Осиянный и услышанный...

2006 г.

* * * *

Хорошо на небе голубом!
Для меня откроют в небе дом,

И моё широкое окно
Прямо в небо, в даль растворено.

А когда ночная гладь придѣт,
Для меня откроют небосвод.

И пускай царит повсюду мгла,
Но звездáми пóлны зеркала!

2012 г.

* * * *

А Бог слышит каждое слово во мне,
Хотя я внимаю Его тишине,
Хотя и свечусь на ладонях Его,
Как будто я тоже – почти божество...

И знает ли ветер, и знает ли год,
Как время сквозь тело течёт и течёт?
Но тело – и камень, и та же вода,
А Истина – слышать готова всегда...

2016 г.

* * * *

Бог – отвечает Сам,
Было бы лишь стремление,
Было бы лишь сердцам
Ведомо их биенье.

Бог – отвечает *вдруг*,
Бог – раскрывает тайны,
Было бы лишь умам
Ведомо их молчанье.

..."Ведомо" и "ведóмый" –
Странно текут слова,
Словно вдали от дома
Та же растёт трава...

2007 г.

* * * *

Чтобы дальше лететь беззаботно,
Мы должны умирать, умирать! –
Словно тонкие прочные стекла
Через душу свою пропускать,

Отсекая волнение бывшее,
Отпуская сомненья, года,
Чтобы сердце предельно живое
Оставалось при нас навсегда!

2004 г.

* * * *

Расставанье с телом неизбежно –
Отцветают полные тела...
Не расскажут сомкнутые вежды,
Как душа проснулась и ушла.
Расставаясь с телом – словно птица,
Подлетаешь, высишься, летишь.
Расставанье с телом превратится
В сказочную, радостную жизнь...

2015 г.

* * * *

Никогда, никогда не умрём!
Лишь за тонкую грань перейдём!
И уже не узнает никто,
Как мы сбросили тело-пальто.

Не расскажем ни ты и ни я,
Как нашли золотые моря,
И как золото стало огнём.
Никогда, никогда не умрём!

2007 г.

* * * *

Как дождь перерастает в снег,
Из снега – слякоть, реки, воды,
Так переплавлен человек
В небес изящные разводы...

2002 г.

В жизни неземной

Все любви напьются: реки
Той любви – в коре земной.
Пусть любви напьются веки,
Опалённые войной,

Пусть над каждой грудью будет
Чаша, полная водой.
Пусть любви напьются люди
В этой жизни неземной.

2007 г.

* * * *

Благословенна ныне тишина,
И, зачерпнув воды из полусна,
Иду умыться, чтобы жить святою,
Что значит – светом полниться до дна...

2012 г.

Сломанные Часы

* * * *

Бывает в зимних вечерах
То наяву, а может, снится:
В непрожитых стою домах,
Знакомы будущие лица.

Всё так же в новых городах:
Антенн дрожащие ресницы,
В дожде деревья, как в слезах,
И на асфальт не приземлиться.

Печаль о будущих вещах...
И вот грядёт пора проститься,
Но стрелки лёгкие, как птицы,
Застряли в сломанных часах.

1997 г.

* * * *

Настоящее есть настоящее –
Ни полшага, ни дна впереди,
Лишь высокие звёзды летящие
Да кричащее что-то в груди.

Настоящее – вечно бурлящее,
Как протянутый кубок ветров.
Уходящее в ночь настоящее –
Отпечаток несказанных слов.

2006 г.

* * * *

От жара костра – в лето не убежишь...
И будешь слоняться на пути временном.
Именно время – нам не пройти
Вброд, как реку,
Чей образ нас завалил переходами
Через границы любого мира.

Любой рубеж по плечу с водою,
Только время равняется свету,
Уходящему в ночь...

2002 г.

Дорожка

Нужна мне одна дорожка
Из мелких цветных огней,
И, крадучись, словно кошка,
Я прочь убреду по ней.

Из душного мира боли...
Из красной страны огня...
Скажите, немые боги,
Там кто-нибудь ждёт меня?

1994 г.

Там, где стекает время

Там, где стекает время
Капля за каплей – вода, –
Там, где стирает время
В пыль города,

В круге иных понятий,
Знаков и слов –
Мягким теплом объятий
Дремлет любовь...

1997 г.

* * * *

Мужчина ли, женщина, полно!
Так важно ли, чья слеза?
Ведь души, они – бесполой;
Ведь души, они – глаза...

2014 г.

* * * *

У мира виденье одно...
Душа уснёт, как чистый лотос:
О чём вещает сладкий голос,
Мне знать уже не суждено.

А миром правит тем стрела,
Что пущена рукой Владыки...
Он, затаившись, многоликий,
В молитвах путает слова.

1994 г.

* * * *

Просто *день* и просто *быть*,
С состояньем не бороться.
Просто днём весенним плыть,
Повинуясь зову солнца.

Полыхая на груди,
Светлый ветер разовьётся:
Просто дали впереди,
Задышавшие от солнца.

2006 г.

* * * *

О, как небес изящна простота!
День, вдруг начавшись, снова исчезает.
И до рассвета солнце замирает
От поцелуя в жаркие уста.

О, сон небес под покрывалом бездны!
Прозрачен он и полон чистоты,
И звёзды на мгновение исчезнут,
И вся земля напьётся пустоты...

2007 г.

* * * *

И чистая роса,
И частые леса,
И берег некрутой,
Деревья под водой,
Изогнутый тростник,
Уснувшей птицы крик,
Просторные ручьи,
Прохладные внутри,
Иссохшие стволы,
Три ветви у ветлы
И сонные холмы –
Полвека до зимы.

2006 г.

* * * *

Каждый год – новые листья у дерева,
Каждый раз – становятся не нужны.
Прячут листья слёзы о дереве
В яркость праздничной желтизны...

Так и я – иду по аллее пламенной
И играю сброшенной листвой:
Каждый раз – проживаю заново
Всю ненужность свою и боль.

2016 г.

* * * *

Ударят морозы –
Окажутся в снах
И свежие розы,
И ветка в зубах.

Гудящие пчёлы,
Малиновый мёд
И мухи весёлый
Жужжащий полёт,

Собаки и люстры
В садовых цветах,
И жаркие чувства
Останутся в снах...

1999 г.

* * * *

Всё простится, и всё... будет выжжено.
Полыхает печаль на ветру.
Ты сказала, что все будут рыжими
Эти тихие листья в бору.

На просторном огне разлетаются
Все деревья от бешеных глаз.

Всё простится, и всё... разметается,
Только б холод ночей не угас.

2006 г.

* * * *

Ветры – воздух, ветры – вечер,
Ветры – дальние мосты.
Ветры – скользки, ветры – течны,
Достигают высоты.

Ветры – свежие объятия,
Ветры – жаркая скала,
Ветры – северные платья,
Оживающая мгла.

Ветры – вечны, ветры – сонны,
Ветры – смятая душа.
Ветры – бешеные тонны
Из бездонного ковша.

2006 г.

* * * *

Белейший зной, тяжёлые мосты,
Три капли на сожжённые листья.
Три солнца на изогнутых губах,
Три градины на свёрнутых руках.

На солнце – неизменные дожди,
На солнце – золотые корабли,
И берег там – и жаркий, и крутой.
На Солнце даже... солнечно зимой!

...И, бешено спасаясь от земли,
Взлетают золотые корабли.

2001 г.

Цветёт жасмин

Словно звёзды, расцвёл жасмин
В круге древних моих руин.

Словно море во тьме поёт,
Словно звук – из самых глубин...

И качает звезды полёт
Тот, Кто в небе сейчас один.

Снова в море обрыв руин,
Снова в небе цветёт жасмин.

2002 г.

* * * *

Можно привыкнуть бежать, не дыша.
Глупое небо – большая душа.
Белое небо – спускается в рай,
Чёрное небо – взлетает. Взлетай!

Кто-то съедает огромные дни,
Кто-то гадает: "Они? не они?"
Крылья, которые теплятся в нас,
Кто-то захочет сберечь про запас...

2003 г.

* * * *

Жаркого солнца качается круг.
Гордые души уходят на юг –
Юг, где жара для любви не страшна:
Чёрное тело – сплошная душа.

Белое солнце – большая луна,
Частые капли – больная зима.
В небе вращается всё до земли.
Белые лица на север ушли.

2001 г.

Как увидишь Луну...

Как увидишь Луну,
Уходи! уходи!
Все желанья она
Может сдвинуть в груди.

Как увидишь Луну,
Улетай! улетай!
Сколько в небе больном
Умирающих стай!

Как узнаешь Луну
(Океан! океан!),
Будут камни взлетать
В голубой ураган.

Как не будет Луны,
Приходи! приходи!
Будут лёгкие сны
Долго биться в груди.

2004 г.

* * * *

Голос... ранимый, как стая
Лёгких ворон на ветру,
Голос возник и растаял,
Чуть разбавляя жару.

Носятся светлые тени,
Голос зовёт и зовёт;
Сонмы тяжёлых видений –
Как полутёмный народ.

Спится, любимая, спится,
Голос уже далеко...
Снится, любимая, снится,
Сны исчезают легко...

2007 г.

* * * *

Стены ветром продуваются,
Стены – пламя, кирпичи.
За порогом осыпаются
Все забытые ключи.

Заходи послушать тайное:
Дым пожара – смерть огня,
Колыхание, дыхание
Неоткрывшегося дня.

2005 г.

* * * *

Луна над землёю согрета,
И словно снимает запреты

Листвой шелестящая –
В кольцах литых –

Рука уходящего лета...

2008 г.

* * * *

Садовая мебель случайна,
С неё убирали цветы,
И тонкая, бледная тайна
Твои исказила черты.

А солнце ушло за границу,
И, выдохнув горький просвет,
Усталые чёрные лица
Тебя завернули в букет...

2013 г.

* * * *

Мёртвые двери, мёртвые окна,
Мёртвые к дому пути.
Бьётся упрямо в хрупкие стёкла
Град-конфети.

Жёлтые розы, чёрные лица,
Порванный плед.
Как из-под сети пойманной птице –
Выхода нет.

1991 г.

* * * *

День прошёл ненастьем вечным,
Сыты небом облака,
Буйной влагой искалечен
Стебель жёлтого цветка.

Ветви в бой играли с ветром,
Воздух ранами поя,
Промелькнуло это лето,
Словно солнце декабря.

2006 г.

* * * *

За всё лето не было тепла –
Только осень,
 осень,
 осень,
 осень...
За всё лето не было стекла –
Только осень гладь воды приносит.

За всю зиму не было пурги –
Только снег, еле летящий, тихо
Укрывал замёрзшие пруды...

2013 г.

* * * *

Улетает лето в осень.
Осень в зиму унося,
Нас не спросят, нас не спросят
Про забытые леса.

Позабыты на картинах,
На бумаге, на столе –
Перепутаны все зимы
На моём календаре.

2003 г.

* * * *

Сумрак серый – синий – серый,
Тонким золотом – окно.
На деревьях ночи белой
Всё под снег замечено.

Сколько ходишь – всё не спится,
Деревянный дом скрипит.
Сколько хочешь – всё не снится,
Только чёрный мир открыт...

2014 г.

* * * *

Тёмная роща –
Лица проще.
Тёмный овал
Незыблемых рек.

Тёмная прорубь
К себе просит
В гости.
Веришь ли,
Сил – нет!

2006 г.

* * * *

Пусть на небе Луна
Всё сильнее и сильнее –
Ярче серых ветров,
Ярче всех фонарей,

Ты к Луне не дойдёшь:
Нету ног, нету ног.
Ты к Луне поплывёшь –
Словно чёлн, словно Бог.

Пусть на небе Луна
Всё тускнеет. Тускней!
Чтобы солнце с утра
Закричало сильней!

2006 г.

* * * *

В синем небе – свет звезды,
Под звездой – зимы сады,

Все укутаны, укрыты
Пылью белой, снеговой, –

Небо синее зимой!

2013 г.

* * * *

Это и надо любить:
Зимние жадные ветры,
И огонёк у реки,
И умирание света...

Солнца дневного уход –
Солнце ночное встречаем...
Этот пустой небосвод...
Это предчувствие рая.

2006 г.

* * * *

Раскрыты дни, украдены вершины,
А мы не разобрали половины
Видений, снов, произнесённых слов,
Прочитанных в бумаге – чьих-то строк.
Из-за чего рассмотрен потолок
До трещинки, до пятнышка в углу,
До отраженья лампы?!
И за это –
Я долго буду плакаться столу,
Чья белая поверхность не раздета.

2001 г.

* * * *

Звери пьют воду,
И неба – вздохлѣб;
Ты – не отведал
Свой неба кусок.

Птицы над тучами
Рвутся, крича;
Ты – не унял их
И жил сгоряча.

В зимнюю стужу
Лицо опусти,
Снег – это небо
И счастье в горсти.

2006 г.

* * * *

Всё волшебное и непрочно –
Спит звезда в душе порочной...

2013 г.

Зашиваю

Зашиваю руки, спины.
Зашиваю – не кричат,
Словно чёрные пластины
На обугленных плечах.

Дом зашью, страну зашила,
Праздник – листья по костру...
Бесприютная вершина
Сбросит ветви на ветру.

Слышен звон – земли не слышно.
Голос – гомон, голос – грач.
Занесённый клюв орлиный,
Сердце – бешеный кумач.

Придорожье. Пахнут тени.
Грусть – прохлада, шорох – тишь.
Затвердевшие ступени –
Полусвязанный лежишь.

2000 г.

Похожее на Последнее

Как много в мире есть высокого:
И шум дождя, и шорох неба,
И соль от раны – боль глубокая,
И кровь, солёная от снега.

И капли ровные – на воздухе
Покоятся, как дни печальные,
И, невесомые, за воздухом
Уходим в дальнее молчание...

1999 г.

* * * *

*Никогда не знали смерти,
Никогда не знали сна.
Эти сумрачные ветры
Над землёю – как зима.*

Лес сгорает: в каждой ветви
Огневая спит душа.
*Никогда не знали смерти,
Над ладонями дыша.*

Дом уходит вместе с дверью.
Ночь пожара – не страшна.
Заглушает голос смерти
Мимолётная стена.

*Никогда не знали света,
Никогда не знали сна...*

2006 г.

* * * *

Мы не знаем, что небо –
Это та же вода,
Пока
Поднимаемся выше и выше.
...И лишь вынырнув к звёздам –
Мы дышим...

2000 г.

* * * *

Против ветра, против стаи
Выступают облака.
И летают, и летают
Необъятные века.

Диск завянет на границе,
Двух миров покинув плен.
Будут облачные лица –
Словно пепел, словно тлен.

2004 г.

* * * *

Скован обручем чугунным,
Сталь – влажнее серебра.
Не согреют даже луны,
Если в теле нет тепла.

Море ходит, море дышит,
В море – чёрная волна.
Не согреет, не услышит,
Если в теле нет тепла.

В пустоте – зияют бреши,
Души – рваная вода.
Не укроют, не утешат,
Если в ранах нет тепла.

2005 г.

* * * *

Песня легка как сон,
И глубока как стон.
Ясных ночей не жди:
Сырость, стеной дожди.

И заплетаешь дверь
Сетью больших дорог,
Стайкой упрямых троп.

Холод, просторный гроб, –
Не для меня, поверь:
Я огибаю дверь.

2000 г.

* * * *

И уснувшие вниз облака,
И во сне пробежала река,
И в прозрачные воды свои
Посмотри! посмотри! посмотри!

Я, в отслеженных стаях легка,
Устаю улетать в облака,
И в огромные воды реки –
Ни лица, ни волос, ни руки!

Обрастаешь серпом, обростёшь.
Перевёрнутых рек не найдёшь.
И, серпом не поранив груди, –
Уходи, уходи, уходи!

2000 г.

* * * *

Стремится с небесами быть восток,
И в сомкнутых ладонях умирает
Едва не появившийся цветок...

2013 г.

* * * *

Тропа зарастает облаком,
Облако как стезя!..
Тропа – это что-то робкое,
Оставить её нельзя.

И сонными ждут преградами
Большие ручьи, поля.
И сонными водопадами
Струится с небес земля...

2012 г.

* * * *

Тронут день огнём печальным,
Жмутся густо облака:
Удивлённые, случайно
Забегут на тень слегка.

Быстро свет погас – и в небе
Плещет, тонет край зари.
Похороненное небо
Отдадут за полземли.

2009 г.

Его голос

Ну почему во мне опять тоска?
Я подошёл к осеннему закату.

Легли на плечи мягко облака,
А небо осени так золотом богато...

2011 г.

* * * *

Я оскудел и сжѐг
Всѐ, что ждало вдали:
И передел дорог,
И впереди шаги...

Словно густая сеть
На руки мне легла:
Всѐ, что желала смерть...
Всѐ, что она ждала...

2013 г.

* * * *

Чего-то жаль, а что-то не уходит.
Как в пропасть канули огни,
И кто во мраке этом бродит,
Расставив западни?

Но цвет упавших в память листьев
Во тьме растаять не спешит.
И камнем в черноте повиснет
Стон затерявшейся души.

1994 г.

* * * *

Как беспощадно избиты
Улиц безмолвных столбы,
Мрамор, гранитные плиты
И тротуаров горбы.

Сумрак завис на границе,
Сорваны ветром мосты,
И, закричавшею птицей,
Грудью вдохну высоты.

1999 г.

* * * *

Белая осень,
Большие огни,
Белые тени дорог.
Тело привыкло идти, идти...
Телом – ты одинок.

Можно ли телом куда-то придти,
Веря теням дорог?

2007 г.

* * * *

Сердце разбудит –
Глаза не простят:
Серые будни –
Праздничный стяг.

Серые плиты,
Дно-тротуар.
Улицы смыты
В синий пожар.

Люди уносят
Пылью дорог
Серую осень
В бурный поток.

2003 г.

* * * *

Так на всё есть слезы,
На любой ответ.
Я роняю слёзы
На промокший след.

Я стою и знаю,
Что беды уж нет.
Помогают слёзы
От забытых бед.

2004 г.

Болен вечер

Чёрно, чёрно болен вечер,
Болен ночи чернотой,
Будто снова ночи вечны,
Только ночи и покой.

Будто сонного движенья
Не дожидаться до утра,
Будто реки в напряженье
В ожидании тепла.

Будто,
 будто,
 будто,
 будто
Будто море над землёй,
И не будет больше утра,
Только ночи и покой.

2001 г.

* * * *

Непредвиденно так получается,
Что с рассветом деревья кончаются,
Что с деревьями лето кончается,
Ну а с летом – и быстрые дни.

Непонятно и то получается,
Что огромные ветви качаются,
В чёрном небе лежат и качаются
До весны, до глубокой весны.

2006 г.

Осень умчалась

Осень умчалась.
Куда ты, куда?
Я не помню, как прошло лето,
Я не помню, как прошла осень.
Вот и она уходит.

Лес уже весь медно-золотой,
Облетают листья,
А местами совсем облетели.
Бывает: темно и птицы щебечут,
Просыпаешься – кажется, что весна.

...И вспоминаешь: осень...
Я не живу, а сплю.
Я не живу, а блуждаю...
Эта неделя – в потёмках.
И грустно, и жаль...

Порою я словно тону в одеяле:
Не знаю, где руки, где ноги.
Не знаю, что делать
И как мне жить дальше;
Кажется, смысл утрачен.

...Но я существую...

2009 г.

* * * *

Солнце, открой!
Ключ мой железный
В чреве хранится.

Лижет пустыня пылью холодной,
Звёздную пылью.
Жар мой, прощай!

2000 г.

Сквозь раскрытые пальцы

*Так протекает песок сквозь раскрытые пальцы,
Так протекает вода сквозь пучину бури,
Так невозможность дня становится всё возможней...*

Так отцветают льды,
Льды на бумагах пряных...
Так улетаем мы
В ночь на больших лианах...
Так, потерявши смысл,
Мы не живём, а плачем...
Так обретаем мысль,
Бродим, где всё иначе...

Пыль на дороге спит,
Снятся во сне астралы.
Можешь ко мне ходить –
Губы бессонно-алы.
Будет с лица огонь
Капать по медной глади,
Всё, что сейчас с тобой,
Будет в моей тетради.

Солнце предвечно спит,
Летний растаял вечер.
Солнце – ужасный стыд:
День обнажит увечья.
Преданный дню солдат
Молится в битве чёрной...
...Ты обнажённо-рад
Дух разорвать тлетворный...

2009 г.

Метель

I.

Чужды метели дни...

Снова метель закрывает
Их от себя самой –
Сплошь – покрывалом белым...
Так, что уже не заметишь,
Был ли там кто иль не был,
В этом весеннем дне...

Снова метель убегает
От чёткости дел и тел...
Всё заматавая мелом,
Сыплет его в ладони...
Мел заматает лица,
Всё, что сейчас творится,
Всё заматает белым...

II.

Метель заматает
Наши надежды
На тепло и весну,
А утром кричали птицы...

III.

Солнце не встанет над крышей,
Только лишь снега цвет
Лежит на моих ладонях.
Да и того уж нет –
Капли бегут сквозь пальцы...

2011 г.

* * * *

...Будто я выйду в небо, совсем одинокая,
И буду стоять там, в сумерках, ветер слушая,
Охватывая его зябкими пальцами.
Совсем одна в трепетном воздухе.

Окна домов – жёлтые в сером небе,
И ветер бьётся неистово в жёлтые стёкла...
С трепетной нежностью.

Земли не видно сейчас из космоса.
Зимы недолгой пришло раскаянье,
Она не хочет быть вечной памятью.

Придут дожди с весной и осенью,
Сломалось небо,
Сияет с просинью!

2009 г.

* * * *

Извив – изваяния краше,
И краше фонтана – река.
Какие прозрачные чаши
В горах стерегут берега!

И солнечной нету равнины:
Она под пятою горы.
Так краше построек – руины,
Так солнечней снега – костры.

Так светлые тени – короче
Своей шелестящей листвы.
Так ветер солёный непрочен,
Так первые льдины чисты...

2001 г.

* * * *

Ночь погасила зло
И разбудила тени.
Лунное полотно
Льётся на скат ступеней.

В небе – душистый мёд,
Розовый всплеск сирени.
Тот, кто во тьме зовёт, –
Лишь обретает тени.

2006 г.

* * * *

Углубляют листья тишину,
Отдыхают светлые дорожки,
По которым могут только кошки
Пробежать, притронувшись ко сну.

Углубляют небо облака,
Осыпают тёплые снежинки.
Обнимают нежно, словно льдинки,
Эти сил небесных кружева...

2008 г.

* * * *

Это может кто угодно –
Повернись лицом на снег.
Это может кто угодно,
Даже мёртвый человек...

Сердце белое остынет –
Ангел, крыльями шурша,
Мягким облаком обнимет,
Не вздыхая, не дыша...

2007 г.

* * * *

Всё пространство суть живое:
Крик ручья и стон реки,
И вороны на просторе,
И зеркальные грачи.

Всё простое суть иное:
Капля света, звон стекла
И большое огневое,
Всё спалившее дотла.

2006 г.

* * * *

Солнце не просто сгусток
И не в руках желток.
Встань,
 развернись,
 почувствуй
Ветер и ток.

Слепит зимой по оконцам
Зимнее солнце,
Засухой жарит летом,
Духом прогретым,

А если земля наполнится –
Пей от земли тёплое солнце!

2000 г.

* * * *

Раскалённая прохлада,
Легкий шёпот у щеки.
Не найти живого взгляда
Для протянутой руки.

Раскрываются страницы,
Тень лица уходит в ночь.
И за ночью растворится
Всё, что в силах превозмочь.

2004 г.

* * * *

Тот, кто один на свете, –
Может понять без слов,
Как завывает ветер,
Как он рыдать готов.

Как стерегут руины
Запах весенней тьмы,
Как переулком длинным
Тянутся чьи-то сны,

И забредают ветви
В небо чужой луны.
Как погибают дети
В возрасте седины.

Тот, кто один, поверьте,
Может всегда понять:
Солнце одно на свете –
Некуда днём бежать.

2006 г.

* * * *

Руки жаркие расставляю:
Жарче, жарче, проходи!
Жить с закрытыми глазами,
Ни полшага впереди.

Рынок скрытый и зарытый
Занесла густая тень.
Двери все гвоздями сбиты,
Проходить куда-то – лень.

Рук раздвоенное жало
Впустят в город: на, воруй!
Разбежавшееся ало
Половодье тел и струй.

Чёрный рок стучится в двери:
Настежь, настежь отвори!
Половодья не замерил –
Плыть до утренней зари!

2006 г.

* * * *

Ночью ветры неспешны,
Как морская вода.
Ночью тени нездешни,
И над каждой – звезда.

Ночью глаз непорочен:
Чистота! чистота!
Ночью лунная площадь
Отчего-то пуста.

2003 г.

* * * *

Под окном моим прохлада,
Шёпот снега, топот ног,
Перепутье снегопада,
Перекрученность дорог.

Переменчивые Луны
Налетают – фонари,
Спят золотом латунным,
Будят сгинувшие дни,

Будят сгинувшие души,
Ты не слушай, ты не слушай
И беги, беги, беги!

2005 г.

* * * *

Час суеты и час безделья,
Бесцельно прожитые дни...
На дне глубокого ущелья –
Не разглядеть огни.

Ущелье – памятью зовётся,
Как сон бессмысленно, темно.
А тело в сотый раз смеётся,
Хоть я грущу давно.

1994 г.

* * * *

Плачу, вою, жру тюльпаны.
Перепутав свет и тьму,
Стены, лампочки, стаканы
Закружились в кутерьму.

Я бреду, шатаюсь пьяно,
К солнцу рухнули мосты.
Страх и боль на дне стакана.
Плачу, вою... жру цветы!

1990 г.

* * * *

Гармония жизни нарушена.
Я сплю, зажигая огни,
Я слушаю песни, не слушая,
Я жду, оставаясь в тени.

Невспаханным горем распахнута,
Не вижу знакомую цель.
Гармония жизни оплакана.
Я жду, обнимая метель.

2008 г.

* * * *

Я сегодня почти умираю,
Умирает пространство со мной,
Я сегодня почти понимаю
Тех, кто болен одной тишиной.

Просыпаюсь, опять засыпаю,
И легко говорить со стеной.
Я сегодня почти не узнаю
Тех, кто хочет остаться со мной.

2006 г.

* * * *

Из бдительных объятий февраля
Не все сумели вырваться, не все.
Их души и холодные тела
Застыли на нейтральной полосе.

А жизнь – как жизнь, спасённые летят
Пока ещё, мгновением живя.
Их тянет к бездне мёртвого нуля
По призрачным осям координат.

1997 г.

* * * *

Там, в пустоте, за облаками,
Где ничего уже не жаль,
Неустающими руками
Я была тоненький хрусталь.

Я всё б разрушила, взорвала,
Травила ядом, жгла огнём,
Чтоб ничего не оставалось
Сегодня за прошедшим днём!

Но Бог живёт на этом свете,
Да и моя душа – не сталь.
И за бессилие в ответе
Звонящий жалобно хрусталь.

1998 г.

* * * *

*Оживается тело,
Оживает душа,
А на дальних пределах
Снег лежит, не спеша...*

Он лежит и не тает,
Погребая мечты.
Под обломками рая
Засыпаешь и ты...

2014 г.

* * * *

Выше крон, белее снега
Пролетают облака,
А над ними – синей твердью
Скрыта звёздная река.

Твердь прочна, души не слышно.
Солнце, тусклую свечу,
Эту твердь прочнее крыши, –
Я сегодня не хочу.

1999 г.

* * * *

В моей душе нет пустоты,
Над ней не властны измененья,
Там вырваны из заточенья
Все неудобные черты.

В ней все дороги – шаг один,
Все времена – одно мгновенье.
И разум спит в её владеньях,
Как позабытый властелин...

1999 г.

* * * *

Кто создан живым –
Так хочет отведать
И нежной зари,
И уснувшего неба,
И ветра пьянящего
С каплями влаги,
Глоток настоящего
Тронув губами.

...И тёплого солнца,
На веках дрожащего...

1998 г.

* * * *

Простота? Да.
Убегаешь – ветры растут.
Замечаешь: снег негустой.

Был бы лишь свет
В мутной воде.
Заскучаешь – камни в окно.

Простота? Нет.
Сколько дням лет?
Сколько в них метров?
Постарел – лето.

2000 г.

* * * *

Побережье до солнца,
До зелёной воды,
До зелёного солнца,
Чьи края не видны,
До снесённого ветром
Отраженья звезды,
До зелёного неба
С бледным диском луны.

До зелёного снега –
Эти дни, эти льды...

2001 г.

* * * *

Дни, бессонные как птицы,
Полушёпот пьяных стай.
В белом небе растворится
Полусъеденный февраль.

На земле не слышно снега,
На земле не слышно сна.
Возвращается из неба
Полубог-полувесна.

Полушёпот полупьяный,
На груди лежит февраль.
Угасающие раны,
Просыпающийся рай...

2004 г.

* * * *

Море небом зацеловано,
Горы – выступы земли
В небо синее... Целованы
И шуршащие ручьи.

Птица, дерево – всё падает:
Оборот вокруг огня!
В этом мире зацелованном
Не заметили меня...

2001 г.

* * * *

Горы синие, деревья зелёные,
Чёрные реки ввергаются тоннами
В море, где солнце блуждает солёное,
Тёмное солнце с краями палёными.

2001 г.

* * * *

Был день сморён жарой упавшей,
Блажен, на входе написавший:
"О, небо, я в тебя влюблён".

Дыра в тщедушных парусах,
Неизмеримое пространство
Застыло в солнечных часах...

Был сладкий воздух напоён
Мечтой вина, мечтою пьянства!

1996 г.

* * * *

У Венеры рыжее лицо,
У Венеры жаркое кольцо.
На Венере – в солнечной воде
Не умыться ни тебе, ни мне.

У Венеры губы чуть дрожат,
У Венеры самый яркий взгляд...

2003 г.

* * * *

Принцесса в храме –
Голова в огне.
Сгорают руки,
Рот в гримасе тонок.

Тень замирает
На оплавах сонных,
Душа растает
В замкнутом окне.

2000 г.

* * * *

Там, где сердце, – там розовый куст
Расцветает на каждом шагу,
И качаются перья травы,
И пчелиный так сладок укус,
И поверить случайно могу
В синий шёпот таинственной мглы.

Там, где сердце, – там ждут голоса,
Омываются ветром леса,
Там просторный земной небосвод
Одарит тебя рокотом вод,
И густая разбудит вода.
Там где сердце, – там снова звезда...

2005 г.

* * * *

Росные розы прильнули к губам.
Розы добавят стремленья шагам,
Розы бросаются в тысячи рук,
Розы избавят от гибельных мук.

Бедному страннику в жизни земной
Так не хватает лишь розы одной.

Роз чистота нас зовёт в небеса.

Нас зовут, нас зовут.
Не услышим – уйдут...

2007 г.

* * * *

О, стоит ли жить! Послушай:
Как ветер в руке – тоска!
Зачем мы вздымаем души,
Зачем нам в груди река?

Зачем в этот час на снежных
Горах – замирает тень?
Зачем этот воздух свежий
В глаза нам вливает день?

О, стоит ли жить! Послушай,
Как солнце горит в висках.
Зачем мы вздымаем души,
На серых горим песках?

1999 г.

* * * *

Ко всем цветам приходит смерть,
Везде легчайшая угроза.
Сегодня начинают тлеть
Вчера сияющие розы.

Но не всему приносит смерть
Лиловой ночи одеянье,
И я хочу не умереть,
А пережить лишь умиранье.

2007 г.

Золото

Не могут в красоте
Не жить цветы.
У розы в сердце
Золотое бремя...

2009 г.

Снится солнце

Снится солнце, снится осень.
Золотых дождей пора
На косой порог приносит
Дни, забытые с утра.

Величавые низины,
В поднебесье – шёпот крон.
Лист, застрявший в паутине,
На бессмертье обречён.

2006 г.

* * * *

Наша жизнь непорочна,
Наша жизнь непрочна.
Ты жалеешь, что в клочья
Превратилась весна.

Ты жалеешь, что солнце
Вдруг ушло от земли,
Что безоблачный остров
В океане нашли...

Что тоскуешь по тёплым,
Постаревшим губам,
И что сердце безмолвно,
Как в воде ураган.

2001 г.

* * * *

Что меня питает, то и гасит,
Я подобен тонкому ручью:
Для меня и бурный ток опасен,
И равнинный – равен палачу.

И какой держаться середины,
Где собирать и листья, и цветы?
Как остаться чистым до стремнины,
Где встречают прочные мосты?

2006 г.

* * * *

У времени много есть тихих углов,
Где сердца не слышно неровных шагов,

Живого дыхания не в лад, не попад...
Где, воздухом скован, завис листопад...

Где вечности мягко покоится прах
И странник усталый распят на часах.

1997 г.

* * * *

Нет мира на крыльях, он весь под землёй,
И чёрные кони сверзаются в бой,
И чёрные струи горят и горят,
И чёрные птицы взлетают назад.

И огненной пеной, травой на песке
Просторы Вселенной сгорают в руке...

2003 г.

* * * *

Чёрным по чёрному плачет земля,
Чёрным укрыты дома и поля.

Чёрным угольем посыпаны льды,
Чёрной подарят колодцы воды.

Чёрного цвета хочет земля,
Чёрным укроет тебя и меня...

2011 г.

* * * *

То, что истинно, – незримо.
Ты летишь – и я лечу.

Сонный месяц – половину
Отдал чёрному ткачу.

С блеском звёзды выгорают.
Мы летаем. Все летают...

2006 г.

* * * *

Все земные ветры вечны,
Вечна смятая душа...
Ветры могут бесконечно
Напоить её, дыша.

Воздух светлый станет синим,
Даль безвременно легка.
Ветры могут бесконечно
Уносить за облака...

2007 г.

* * * *

Длительность месяца –
Это огромная,
Сильная, чёрная
В небе дыра.
Солнечность месяца
Вся перевесится
Той бесконечностью
Мрака и сна.
Ну а дыхания
Лишь ожидаются,
Целого месяца
Плотью питаются.
Целого месяца
Жить дожидаются
Эти дыхания, эти ветра.

2004 г.

* * * *

Просыпаюсь в окне –
Стёкла вплавлены в кость,
Под рукой –
Звёзд янтарная гроздь.

А внизу все дома
Лунным светом полны,
Будто снова зима –
На середине весны.

И качается мгла
Тёплой шторой вдали.
Всей земле не до сна
На середине любви...

2005 г.

* * * *

Не надышишься светом,
Не надышишься сном,
Ни снегами, ни ветром,
Ни обильным дождём.

Ни в кроватях усталых,
Ни на голой земле
Твои руки не встанут,
Чтобы спеть о Луне.

Твои веки не дрогнут,
Чтобы спеть о цветах,
Даже тени не лягут
На глубоких губах.

Твои дни – только память,
Ты вздыхаешь во сне.
Твоё сердце истает
На далёкой Луне.

2006 г.

Леди, леди ликовала!

Леди, леди ликовала!
Льдин лучистых покрывала
Оковала...

Колдовала, целовала,
Травы дланно наклоняла,
Лавой лились волны славы,

Полулунного провала
Узнавала лунный лик.
Ликовала, ликовала,

Длинно лились покрывала,
Лунно лились покрывала
На воркующий родник!

2013 г.

* * * *

Словно в ветер светлый вброшена,
Развеваясь и сияя,
Золотая и роскошная –
Выходила ты из рая.

Топот дней стремится под ноги,
Все пространство вымывая.
Все, готовые на подвиги,
Были выходцы из рая.

Под камнями спят глубокими,
Дна столетий достигая.
Все когда-то шли жестокими,
Все, мечтавшие о рае.

2006 г.

* * * *

Писать и не чувствовать можно,
Когда под тобою рука.
Писать и не чувствовать сложно,
Когда ты всё больше одна.

А лечь и не чувствовать можно,
Когда под тобою стена,
И можно молиться безбожно,
Когда пред тобою спина.

И двери не выдадут тайны,
Как трудно им жить без звонка,
Как руки чужие случайны,
Когда ты всё больше легка.

2001 г.

* * * *

Шёпот сна и одеяла,
Дым в качнувшемся окне...
Приходить ко мне не стала
Та, живущая во мне.

Разбудить меня не хочет,
Не протянет мне ладонь.
В пустоте проходят ночи,
Пью разбавленный огонь.

2005 г.

* * * *

Может быть, этой силе отдаться –
И обрушиться вместе с волной?!
Не бежать и не жить, не стараться
Оставаться навеки собой.

Не спастись от северной стужи,
Сохраняя остатки тепла...
И никто мне на свете не нужен –
От причала волна отошла.

2006 г.

* * * *

Всё наше временное – вечно,
Все наши годы, наши дни:
Всё это – лёгкие увечья
Для заштрихованной Земли.

И развевает шторы ветер,
Как шорох крыльев по плечу.
И постоянное: "Ответьте!" –
И непременно: "Молчу..."

1999 г.

* * * *

Непростительно время –
Улетающий дом.
Непосильное бремя –
Нарастающий ком.

Труд Сизифов не сладок,
Этот труд не про нас.
Даже плечи – в упадок,
Даже пепел из глаз.

Даже светлые реки
Не спасут бытия,
Даже древние греки,
Что приносят моря...

2003 г.

* * * *

Душе теперь – недалеко
Дойти до камня преткновенья,
Чтоб очернить минутой тленья
Своё легчайшее пальто.

Душа теперь – не конь стальной,
Она послушнее ребёнка.
Протянешь руку – тонко-тонко
Заплачет ключик заводной.

2007 г.

* * * *

Дни, высокие как ночи,
Засыпанье на ветру.
На ладони – чей-то почерк,
Чей – никак не разберу.

Шёпот винного бокала,
Длинный голос всё чужей.
Засыпала, засыпала,
Не разбужена уже.

2004 г.

* * * *

То ли клевер, то ли дрок –
Зарастает мой порог.
Крышей, сломанной с утра,
Поживилась детвора.

Месяц пряничный завис,
Звёзды вдруг слетают вниз.
Звёзды, видимо, пьяны,
В полночь лета влюблены.

2006 г.

* * * *

Это время до заката
Не вернётся, не вернёшь.
Это время будет смято,
Как неузнанная ложь.

Этот взгляд остался в небе,
Растворяясь в красном сне,
Это западное солнце –
Будто заперто во мне.

2004 г.

* * * *

Непроглядная ночь,
Всё покой и покой,
Только книга в руках
Зашуршит чешуёй

Да непроданный взгляд
Застывает внутри.
Будут веки не спать
До зари, до зари.

И откроется даль
За огромной горой,
Там где реки полны
До краёв синевой.

2004 г.

* * * *

В далёком космосе
Так свежи небеса
Родной планеты...

2012 г.

* * * *

Легко поверить родным небесам,
И в тело легко войти.
Легко говорить цветам и лесам:
Довольно с меня пути.

И вольные дни нахлынут – сон,
И можно лежать, дышать,
И можно на лёгких руках, как дом,
Радость свою держать.

2007 г.

* * * *

Лунные дни – как ночи,
Ночи большой Земли.
Лунные дни – непрочны,
Вечно полны любви.

Тень облаков – не смоем
Лунных полей печаль,
Лунные дни наполнят
Тёплых ладоней сталь.

2007 г.

* * * *

Придёшь, послушав чужого голоса,
Ветви с лица убирать как волосы,
Тёплые мхи – топтать ладонями,
Телами сонными – идти за сонными,
Дождями, бурями, зверями сытыми,
Путями донными, рекой размытыми.

2006 г.

* * * *

Моих стихов угрюмый лёд
Сметут живительные струи.
Тот, кто не жил, – тот не поймёт,
Как сердце в пропасти ликует!

Полёт и шаг – и снова взлёт,
Пусть тянут раны ножевые!
Тот, кто не жил, – тот не поймёт,
Как ослепительны живые.

2006 г.

* * * *

Моя душа скрывается за телом,
А за душой в пространстве нет предела...

2013 г.

* * * *

Всё, что не может быть, –
Было на белом свете.
Всё, что хотят забыть, –
Не умирает с ветром.

Всё, что хотят сказать, –
Сказано в дне грядущем.
Всё, что не надо знать, –
Знает во тьме идущий.

2006 г.

* * * *

Заалевшие курганы,
Дым и небыль, соль луны...
И расставлены капканы,
И расстелены терны...

Соль да праздник.
Жги помногу
Соли белой, огневой!
Запоздалые дороги
Дрогнут тёплой синевой...

2009 г.

* * * *

Нет покоя: будят грёзы,
Ветры веют налегке.
Будем – нежные, как розы, –
Жить от тени вдалеке.

Жаждем мира, но не спится
На простреленной руке.
Будем – тихие, как мышки, –
Жить от края вдалеке.

2007 г.

* * * *

Забудь про всё,
Но только не усни:
Забудешь вечер –
День придёт ненастный.

Забудь плащи
В трамваях безучастных,
Во тьме такси –
Измятые пальто.

Забудь те дни,
Разрушенные дни,
Забудь мечты,
Как забывают платья.

Останься наг –
И свежий дух ночной
Тебя согреет телом
Без объятия.

2000 г.

* * * *

Разгорается выше
Неуёмный восток,
Над развёрнутой крышей
Одинокий поток.

Тонешь ты в море неги
И рубиновых снов,
И не знаешь, что следом
За потоком – любовь.

2001 г.

* * * *

Большой душе
Не выдали крыльев.
Где-то о крыльях
Совсем позабыли.

Ходит теперь она
Как виноватая,
Руки, как крылья,
Латая заплатами.

Хочешь ли снова
Уснуть в никуда,
Чтоб позабылась
И эта беда?

2015 г.

* * * *

Всё, что бывает днём, –
Ночью бывает проще.
Может лица проём
Ночью казаться жёстче,

Может огня просить
Ряд незажжённых окон,
Можно людей простить,
Днём покарвав упреком.

2006 г.

* * * *

Сердце исколото иглами,
Солнечными глыбами.
Мир переворачивая,
Тишину утрачиваю.

Полые растения
После напоения
Текут, текут в лесах.
Птицы полощутся –
Дождь в небесах.

"Ливень, с грозой в лапах,
Лей, а не капай!"
Падает ватой
Снег,
Облаками на пол.

2006 г.

* * * *

Нету ли света
В тёмных лесах?
Белое лето –
Свет в волосах.

Ровные дни на губы
Лягут,
Тяжёлые облака.
Тёплые глыбы гладить?
Веточки на руках?

2003 г.

* * * *

Я хочу зачернить
Все поля, все сады,
Краской их напоить
Вместо чистой воды.

Вам смешно? Но ведь ночь
В этот матовый час
Своей чёрной водой
Напоила и нас.

1999 г.

* * * *

Я пришла сегодня летом
Прошептать тебе губами:
"За горами – только небо,
Только небо за горами".

Я пришла к тебе проститься:
Улетаю за руками,
Улетаю вместо птицы
В это небо за горами.

Сон холодный ляжет тенью,
Ляжет тенью над домами;
За домами только горы,
Только небо за горами...

2005 г.

* * * *

Как сквозь луну летели облака!
А чёрный лес был проклят так бездонно,
Как будто эти воды неподъёмны,
Которыми ворочает река.

Как будто золотые облака
В свеченье лунном – не вода, а пламя,
Но света не коснуться головами,
В груди не уместается рука...

2001 г.

Колыбельная

Опушённые цветами,
Тихо стонут сады.
Сонно бродят туманы
У подножья звезды.

У дорог лопухи
Засыпая, стихают.
Не кричат петухи,
Тихо совы порхают.

Зайцы грезят о звёздах,
Заглядевшись в пруды,
И задумчиво розы
Всё жуют у воды.

А за пыльной дорожкой,
Где клубится дымок,
В лапках снежная кошка
Держит солнце-клубок.

1999 г.

* * * *

Солнце, два часа твои!
Будет солнце – нет травы,
Будут травы – нет ключа,
Только речка горяча.

Только сонною отравой
Полны чёрные стволы.
Только путники устали...
И мертвы, мертвы...

2002 г.

* * * *

Пули слепые пели –
Ветра на пули нет.
На огневые цели
Сорван немой запрет.

Призрак упал летящий,
Пулей литой сражён.
Призрак был – настоящий,
Тела – был *мной* лишён.

2006 г.

Голос

Будет в голосе прорезь
Рваной раной хрипеть.
Тот магический голос –
Не даёт умереть.

Остановятся в башне
Те часы – и опять
Этим голосом страшным
Позовут воевать.

Кто – воюет со смертью,
Кто-то – бьётся за смерть,
Еле слышимый лепет
Не даёт улететь.

2006 г.

* * * *

Я больше не знаю, я больше не слышу,
Как с грохотом капли разрушили крышу.

Река по лицу, и смеюсь сквозь ладони.
Ладью стена утонула в затоне.

Исчезла звезда за трухлявой кормою;
Ни моря не стою, ни неба не стою.

1999 г.

* * * *

Надежда оправдана горем,
А травы – косить и косить.
Твоё затвердевшее поле
Забыли дождём оросить.

Твои непредельны заклатья,
И вновь развязалась узда,
Старинные чёрные платья
Слезой окропила звезда...

2013 г.

* * * *

Плачу рядом, плачу выше,
Плачу градом впереди.
Отчего не станут тише
Лить свинцовые дожди?

Отчего густой прохладой
Полон каждый взмах руки?
Отчего те руки рады
Пить из раненной реки?

Дождь идёт, стекает с крыши
Небосвод на дно земли.
Отчего не станут выше?
Отчего не позади?

2002 г.

* * * *

День избегает дня,
День избежал столетья.

То, что есть в мире я,
Не отменяет где-то

Существованья тел,
Смутно носящих души,

Существованья дел –
Тех, что меня разрушат...

2016 г.

* * * *

Жизнь интересна, говорят.
Они в том правы, может статься,
Я ж отрицаю всё подряд
И не умею заблуждаться.

Нет мига жажды – всё лишь тлен,
Рутина, серость да паяцы.
Меня не взять уловкой в плен,
Ведь не могу я заблуждаться.

Так время быстро утекло,
Желаний нет и не дожждаться.
Во всём мне, может, повезло,
Нет только счастья – заблуждаться.

1990 г.

* * * *

Так быстро хочется бежать
И задыхаться грудью рваной,
Под воду медленно нырять
И уходить вдаль с караваном.

Неужто всё не для меня?! –
Здесь всё захапали другие.
И, нерешительность кляня,
Я плачу в запертой квартире.

1990 г.

* * * *

Душа усвоила печаль
Как аксиому совершенства,
Но за минутное блаженство
Всех скорбей Мира мне не жаль.

Полёт над Жизнью столь высок.
Душа над Телом. Тело – прах...
Но отчего же на губах
Так влаги много, соль в глазах,
И весь отпущенный мне срок
Ворую солнце в небесах...

1998 г.

* * * *

Всё звонче тяжесть боли
Для сомкнутых ресниц
Всё чаще каплет кровью
Со скомканных страниц.

Всё громче топот конниц
На все четыре дня.
Тень сартровских бессонниц
Свалилась на меня.

Но лишь туда, где воздух! –
Где вздрагивают звёзды
И света круговерть! –
Кто из бессониц создан,
Стремится улететь.

1998 г.

* * * *

К истине полёт сквозь пустоту –
Мимо развернувшихся столетий,
Мимо солнц, недвижностью согретых,
Вдоль зеркал, родящих красоту.

На драконе призрачном полёт.
В скрипе деревянных сочленений
Лент бумажных лёгкое смятенье
Мерное движенье выдает...

1998 г.

Шестьдесят Пятый Сонет

*(перевод с английского
стихотворения Уильяма Шекспира)*

О, если даже камень, землю, море
Бездушной смерти разрушает рок,
Как красоте с безумьем этим спорить,
Чьё бытие не больше, чем цветок?

Как мёд дыханья лета можно вырвать
Из мрачной разрушительности дней,
Когда и скалы – станут просто пылью,
И сталь бессильна в поединке с ней?!

Печальное раздумье: где, увь!
От времени – его же скрыть зеркала?
Стремительную поступь удержи,
Чтоб красота добычею не стала!

О, чуда нет! Но могут образ милый
Сиять заставить чёрные чернила.

перевод: 1998 г.

* * * *

Босые ноги –
Босая тень.

Так руки могут
Сойти со стен.

Так лица могут
Сорваться вниз.

Растрата тела –
Души каприз.

2004 г.

* * * *

Дни продолжают столетья,
Полнятся небом огни.
День сочетается с ветром –
Ночи слепы, наги.

Ты продаёшь вдохновенье –
В буре на сердце светло...
Странные скорбные тени
Вжались в немое чело.

2016 г.

* * * *

Братство стальных колец,
Братство кольца и снега.
Пасмурных дел венец –
День покороблен бегом.

Ты запрещаешь быть:
Хочешь в обмен на муки
Солнечных дней купить –
Тех, что согреют руки.

2016 г.

* * * *

Душа идёт со скоростью верблюда*,
Заходит в магазины, за углы...
Душа зарылась в сломанное чудо,
И странны ей ненужные дары.

А жизнь – огонь!
Огромными прыжками
Приходит день –
И настигает рай.

А жизнь одна!
И, светлыми дарами
Себя сжигая, –
Не уберегай!

2016 г.

*– "Душа идёт со скоростью верблюда" – арабская поговорка. – прим. Автора

* * * *

Острые дни радостны,
Словно кинжал в руке.
Острые дни сладостны:
С болью ты – налегке!

Ты воспаряешь истово,
Боль в глубине зажав...
Острые дни – быстрые,
Острые дни – жар!

2016 г.

* * * *

*Всё рождается вместе со мной
И уходит в иные миры...*
В чём же смысл? Пожалуй, ни в чём, –
Просто правила старой игры.

Всё растает, родившись едва...
Ходишь, бродишь, цепляешь вокруг
Всё руками, да суть такова,
Что с собою не взять – даже рук...

1998 г.

* * * *

Закрыты границы, открыты пути.
Наш ветреный край покидая,
На слабые руки положишь мне ты
Ключи от прошедшего рая.
И в сером тумане – серебряной мгле –
Застынет дыханье твоё на земле.

2004 г.

* * * *

Миллионы существ, пролетавших во тьме,
Никогда не споют о Луне, о Луне.
Миллионы людей, пролетавших во тьме,
Отцветут, опадут на бескрайней Луне.

Миллионы картин: звездопад! звездопад!
Миллионы людей не вернутся назад,
Миллион городов опустеет стальных.
Возвращайся скорей, позовём остальных.

2003 г.

Краткие строки, долгое эхо

Одностишия

Встречают по уму, а провожают по сердцу.*

2015 г.

Лицом к лицу – лица не избежать.**

2015 г.

Во тьме благоухающий цветок...

2006 г.

Легки труды на ниве плодородной.

2006 г.

Твои оковы созданы в любви...

2006 г.

Лица увядающих цветов...

2013 г.

* – Парафраз поговорки "встречают по одежке – провожают по уму".

** – Парафраз строки Сергея Есенина: "Лицом к лицу лица не увидеть".

Возник на солнце ветер золотой

Возник на солнце ветер золотой
Стихи и песни пьют из высоты
Смотрелось небо в тучи-зеркала
И реки наполняют синеву
В руках природы зреет красота
Спит тишина в руинах золотых...

2015 г.

*** * * ***

Врастают крылья птицы в глубину
Прозрачных вод нетронутого неба...

2001 г.

Двустишия

Мой путь на землю
Лёг сквозь небеса...

Но внутренний голос пуст –
Живём, не смыкая уст...

Волшебный мир
Пылающих небес...

Имя святое скорей назови –
Сердце утонет в бездонной любви!

Восх́ищен светом –
Пал на небеса...

Для высоких, таинственных душ
Мы плетём золотые венцы...

Душегубец –
Одна из душ...

Покров от тени –
Свет и небеса...

Бесценный дар – на солнечной груди
Я воспеваю золотое Имя...

2006 г.

Двустишия

Так ветер пустоты
Разрушит божество...

Воду пьём из тёмного источника
И не верим светлой глубине...

Но почему во мне опять кричит
Немое солнце, обрета томленье?

Они глаза свёртывают,
Как бродяги крылья...

Тонет в веке незнакомом
Необъятная печаль...

Тексты старинных песен
Проступают сквозь камни...

2011 г.

Двустигия

В синее небо монотонно
Вспыхивают синие цветы...

От моих опущенных ладоней
Звёзды улетают в небеса...

Так легко галактики спускались
На её холодные плеча...

В серебре и ультрафиолете
Лились дни, расплавленные дни...

Все дороги размываются
О высокие холмы...

Исполнен бег прозрачной чистоты,
И дождевые смоются черты...

Ярких гор синева, бирюза
Окаймляют ковёр травяной...

Ива утонула в глубоком небе,
Ветви её огромны...

2012 г.

Двустигия

Стучится в сердце золотая грусть,
Я в небо одиночества стремлюсь...

В отдаленье молнии вздыхают,
Сонно наполняя синеву...

Все дороги размываются
О высокие холмы.

И даже свет вечерний угасает,
Смывая розы на моём столе.

Все цветы на земле, прогорев, отцветают,
И бутон нераскрытый подобен огню...

Цвела любви неведомая даль,
Под светлым небом плыли океаны...

Моя душа усталостью полна,
Моя душа усталостью богата...

Красноречивое молчание:
Пространством дышит глубина...

2013 г.

Двустишия

Так много воздуха потрачено,
Так много духа сожжено!

Пусть вдохновенны будут небеса,
Снега и бури нам вливая в душу...

Цветут сады в долине голубой,
Мне небо сообщило свой покой...

Остановись на миг и посмотри:
Какие розы падают с небес!

Фиолетовых звёзд нахватывай!
Бриллиантовых, жёлтых, матовых!

2016 г.

Хокку

1.

Пришёл ураган,
Крышу унёс с собою –
Звёзды на небе...

2.

Холоден воздух,
Листья летят с деревьев –
Время уходит...

3.

Вечером поздним
Лёгкие вздохи повсюду –
Многим не спится...

4.

Летом дождливым
Рук не согреть под небом.
Даром, что лето...

5.

В озере гладком
Всплеск не нарушит покоя,
Шёлк под руками...

6.

В страсти минуту –
Слова, тихи и просты,
Воздух согреют...

7.

Пасмурным утром
Солнце внезапно выйдет –
Плачут берёзы...

8.

Лёгкие пальцы
По лиловому платью
Как тени скользят...

9.

В воздухе лунном
Музыка будет вечно –
Руки взлетают...

10.

Просторный наш сад
Тёплые дни укрыли.
Сажу у окна...

11.

Черёмухи цвет.
Густой аромат достигает
Выси небесной...

12.

Беседки в саду.
Вечером шёпот и смех
Листья скрывают.

13.

Прозрачные дни...
На груди лёгкий камень.
Грусть что подскажет?

14.

Омут глубокий,
Листья плывут по воде...
Думаю: ждать ли?

15.

В небеса улетел
Вишни прекраснейшей цвет...
Что нам осталось?

16.

Золото лета
В солнце тёплом осеннем
Вдруг воплотится...

17.

Тёплого хлеба
Аромат разольётся,
Согреет дома...

18.

Утром осенним
В доме слушают скрипку.
Небо светлеет...

19.

Лёгкие крылья
Лист кленовый расправит –
Все улетають...

20.

Звенит детский смех,
Улицы, полные снега, –
Радостны люди...

21.

Утром морозным
В доме тепло и тихо,
Тають улыбки...

22.

В холоде утра
Лица хранят свой покой,
Строги́ их черты...

2007 г.

Танка**I.**

Роза ждёт в руках...
Ты сказал мне: "Не приду"
Так ночных фиалок цвет
Не узнаю никогда, –
Ты виной тому опять.

2007 г.

II.

Дни летят, летят,
Ночи тёплые не спят,
Стонет двух влюбленных взгляд,
Только я усну опять,
Ведь любовь меня не ждёт...

2007 г.

III.

Легла на рукав
Нежная ветка сирени.
Звёзды остыли...
Свежую радость утра
День принесёт весенний.

2010 г.

Четверостишия

* * * *

Из солнца вышли два луча
И учинили безобразие:
Они ворвались в лужу с грязью
И там резвились, хохоча!

1996 г.

* * * *

Свяжу себя обетами тугими,
Забуду всё, что мне твердят наперебой.
Я добродетель по сравнению с другими,
Но сущий дьявол по сравнению с собой...

1988 г.

* * * *

Будто странно быть безумным –
Срыв дыханья, шёпот, страх,
Будто гибельные луны
Покачнулись на ветвях...

2006 г.

* * * *

Душа изорвана и воеет,
Как зверь, сорвавшись с высоты, –

Любовь безумная не скроет
Своей бездушной наготы.

1998 г.

* * * *

Если море тебя отдаст,
Если соль в облака уйдёт,

Если слёзы в морях – река,
По которым душа течёт...

2001 г.

* * * *

Я целую глаза твоих рук,
Твоих губ золотые глаза,
Я целую волос твоих звук
И шуршащие нити лица...

2002 г.

* * * *

Больше уже не будет
Зноя прозрачного лета.
Я опускаю руки,
Полные чёрного неба...

2002 г.

* * * *

Ветер над снегами
Размывает стужу.
Я сквозным дыханьем
Наполняю душу...

2002 г.

* * * *

Я вдыхаю свежий ветер,
Дождевые облака,
Будто облако и ветер –
Та же свежая река...

2002 г.

* * * *

Бёсны ненастятся ливневым золотом,
В небе купаются птиц голоса.

Солнца огромного в ярком свечении,
В ярком свечении вспыхнут глаза...

2012 г.

* * * *

Дни пролетают как птицы:
Вечером – та же страна.
Солнцем весенним в лица
Льётся с небес волна...

2010 г.

* * * *

На киноплёнке той – который год
Мы все бежим вперёд-наоборот,

И если к прошлому прилипли безысходно,
Как в миге настоящем мы свободны?

1998 г.

* * * *

Запрещённую даль не вслушивай,
Запрещённых голов не тронь.
Все пределы теперь нарушены,
Все туманы теперь – огонь...

2001 г.

* * * *

То, что круглое сердце есть в каждом,
Знает чистая в жилах вода.
То, что реки бывают красными,
То, что красные – глыбы льда...

2001 г.

* * * *

Первые листья явились несмело –
Запахи праздничной чешуи.
Сонным дождём оживает тело,
Данное тебе на руки, и...

2014 г.

* * * *

Растворяются стены,
И дома не видны –

Рядом лунные земли,
Рядом небо Луны...

2005 г.

* * * *

Запрокинуть руки... и оставить
Где-то там присутствовать во тьме...

Сонными глазами пробегаю
По счастливой юной глубине...

2007 г.

* * * *

Мне понятно твоё одиночество –
Серый дом под чудесной горой.

Неожиданным селям захочется
Вновь тебя завалить тишиной...

2012 г.

* * * *

Я обнимаю облако, облако,
Я погружаюсь в него.
Мягким и тёплым было бы облако,
Если б дышать могло...

2011 г.

* * * *

"Мы с тобой навсегда, до конца", –
Шепчут руки во тьме у лица,
И касаются сомкнутых губ,
Сообщая надежду сердцам...

2014 г.

* * * *

Пламя дождя умирает временно –
Входят капли в земные дни.
Я сгораю, сгораю медленно –
Тлена много и тлеть внутри.

2015 г.

* * * *

То ли выстрелом печальным
Ты натуру умертвишь,
То ли сердцем обручальным
Зацелуешь, воскресишь...

2013 г.

* * * *

Небеса наполнились дождём,
Был он сильным, словно упование,
Словно звезд чудесных ожиданье...

Небеса укрыли водоём.

2012 г.

* * * *

Во мне живут покой и красота,
А солнце неба – наполняет свыше.
Я не услышу шороха листа,
И звук воды... я тоже не услышу.

2012 г.

* * * *

Висит луна за тучей дождевой,
Луна не нарушает мой покой –

Души небес не понимает нечто,
Парящее над бездной голубой...

2012 г.

* * * *

Странно и жаль, но так получается:
Снова мой путь лежит в никуда.

Ты же в светлую даль возвращаешься
Строить башенные города...

2016 г.

* * * *

Ты знал, а не слышал,
Знал, а не шёл
Грустного неба искать крышу.
Где-то радость за нас дышит...

2005 г.

* * * *

В последний миг ушедшей жизни
Через стекло увидел ты,
Что капли в воздухе повисли...
И не упали на цветы.

1996 г.

Нет океана

* * * *

Его нельзя никак назвать,
И нет ему определения,
То духа тёмное томленье.

И нет надежды распознать
Предмет неясного исканья...

Но что мы ищем, для чего?
И для чего мне все желанья
И тяжесть духа моего?!

2009 г.

* * * *

Душа,
полная плевел,

Луна,
выпадающая из груди,

Кто для тебя сделал
эти шаги?

2003 г.

* * * *

Бутоны роз,
Проснувшихся во мгле,
Ещё не знают солнца на земле,

Ещё не знают,
И летят по кругу
Навстречу ожидающей заре.

2007 г.

* * * *

У всех сердец – одна печаль,
У всех умов – одно стремление:
Умчаться ввысь, умчаться вдаль,
Покинув мир без сожаленья.

Но мы – слепые лепестки,
Послушные волнам потока.
И, может, кто-то одинокий
Нас носит по свету с тоски.

1994 г.

* * * *

В бесцветье лиц, в стенании толпы
Ты видишь сонмы душ бродячих...
О чём-то странно говорящих,
Как будто бы они слепы.

Но горше соли – ножны из-под платья,
А круг всё уже и тесней.
И кровь течёт от "дружеских" объятий
В круговорот теней.

1994 г.

Глаза манекенов

По пыльным улицам – один
Шагаю прочь от глаз надменных
И мимо хрусталя витрин,
Где манекены вечно немые,

Иду я в ночь, тел неживых
Минуя вычурные лица.
Иду в дома дверей пустых,
Где окон чёрные глазницы...

Ищу я цель. Она близка.
Но боги вновь, как куклы, немые.
На мир глазами манекенов
Они взирают свысока.

1994 г.

Нет океана

В "просто жизни" – нет океана,
Звёзд не видали в "просто ночи!"
Странно жить обнажённой, странно:
Воздух – защита, в него – кричи!

О, всем, ложащимся спать так рано, –
Земного шара в квартире нет!
Не сон – что тает на дне стакана.
Тепло – не шершавый плед.

Любовь! – не руки к лицу скользнули:
Мир не найден в "просто любви".
В каждом движении, в каждой минуте –
Груз, ускользающий в "нет": лови!

1998 г.

Дух ли?

Дух ли свободен?
Пыль или соль?
Дух ли свободен?
Дух или боль?

Прах ли свободен?
Прах – не земля,
Солнечным прахом
Живы моря.

Пена свободна
Быть не водой?
Души свободны
Быть не собой?

Губы свободны
Выбрать слова?
Руки свободны
Иль голова?

Нежность свободна –
Трепетный крест?
Влага свободна,
Влага небес?

Ветром ли дышит
Стай полотно?
Стуком ли слышит
Чьё-то окно?

Воздухом травит
Чья-то печаль?
Городом правит
Враг-государь?

Тёмные воды,
Будут они
Вечно свободны,
Словно огни?

Будет ли слава?
Будет конец?
Вечно свободным –
Острый венец!

Бешеным криком
Вольны ли мы?
Рушит ли ритмом
Горы Луны?

Будет ли счастьем
Рваться душа,
Если на теле
Рана свежа?..

2005 г.

* * * *

Вы жизнь превратили в муку!
Стремитесь, как раньше, прочь –
Возьмите вот эту руку,
Она уведёт вас в ночь.

Там светлые горы знаний,
Там тёмные горы тайн.
Безумье чужих исканий
От века блуждает там,

И дух одинокий плачет,
Бессильно грозя богам.
Там может быть всё иначе...
Но я не бываю там.

1994 г.

Я напомним, о чём ты знал

Я напомним, о чём ты знал.
Я не помню, чего хотела.
Я поставлю на стол стакан,
Куда
Вписан квадрат твоего тела.

Приглашения губ не ждут,
Когда
Водой наполняют губы.
И, прокравшись домой, не лгут,
Что прохожие были грубы.

Так, засыпая, несут глаза
На закланье луне и ночи.
Так, зачёркивая слова,
Написать ты все письма хочешь.
Так ты хочешь пройти весь дом,
На бездонное небо глядя.
Так забудешь совсем о том,
Кто ночует в твоей тетради.

Никогда не поймёшь:
Испещрённый надеждой рот
Выдаёт по минуте в слово...

У продавшего
Губы не так легки,
У терявшего
Вдруг не взлетают руки...

2002 г.

* * * *

Хоть снова бурями овеяна
Твоя несметная душа,
Но странно: сонными бассейнами
Твои мне кажутся глаза.

Так зло прочнее перевыполнить,
Чем людям радость принести...
И беспокойными, и сытыми
Твои мне кажутся пути.

2003 г.

* * * *

Мне понятна истина простая:
Жить, реветь, бороться за места,
Где-то сердце в глубине оставив
И покорно сжатые уста.

А струна, как прежде, правит эхом,
Созывая принятых на бал.
Нынче оставаться человеком
Даже вольный ветер пожелал.

2006 г.

За стеною

За стеною чужая граница –
Смех и слёзы чужие там льются,
И беззлобные чёрные лица
Всё смеются, смеются, смеются.

Там болеют тоской и любовью,
И чужая огромная птица
Под окном моим с просьбой о боли
Всё стучится, стучится, стучится...

1993 г.

Отголосок Чеченской войны

Что допоётся – что докричится.
Зимнее горе в небо стучится.
Это не сон, это не птица –
Рваные лица.

Будет победа, сон до обеда,
Водка в стакане, солнце под пледом.
И что чья-то боль, что чьи-то беды –
Нега в полнеба...

1993 г.

Жить назад

А чёрный шнурок уж душит,
А колкая ветвь – в глаза.
И будешь себе не нужным,
И бросишься жить назад:

В любовь, что осталась в прошлом,
В сердца, что дрожали в такт.
Лишь в день, что был всеми брошен,
Не хочется жить назад.

1994 г.

* * * *

Ты ни в чём не виновна,
Но любовь твоя – крест.
Ты ночами безмолвно
Достигаешь небес.

Твои руки упали,
А любовь твоя – дым.
Ты не видишь, что стал он,
Словно призрак, седым.

Ты молиться не станешь
И к себе не уйдёшь.
Ты молчишь и не знаешь –
То ли крест, то ли нож...

2004 г.

* * * *

У тебя есть только чувства,
У меня есть только страх.
У тебя плохие чувства
Засыпают на губах.

Я дотронусь тихо-тихо,
Не тревожа этот сон...
Неумелым светом вспыхнут
Все, кто рядом обречён.

2006 г.

Скрываются люди

Скрываются люди в домах за огнями.
Зима: зарастает пространство стенами.
И с сомкнутым небом живём сквозь метели;
Срывается время: недели, недели...

Под тоннами снега – устали ресницы,
Искусственным светом закрашены лица,
И смех глуховатый затих в коридорах
На пыльном паркете, на сорванных шторах.

2000 г.

* * * *

Стена прорастает ветвями.
Жди.
Стой спиной.
Живая кожа – живая боль.

Руки узлом связали –
Не разорвёшь.
Сверху, с небес – слезами
Рушится дождь.

Плечи дрожать устали.
Серая тень...
Профиль и грудь упали
На тротуар со стен.

О, я жива едва ли,
Сердце не спит, не ест.
Я не храню названий
Всех однодневных мест.

Здесь же распята память,
Здесь принимаю бой.
Если живое знамя –
Значит, живая боль.

1999 г.

* * * *

Вся душа изранена
Злостью людей одурманенных...

На земле ветер
Поджигает стога:
Огонь да пепел.

Руками, как крыльями,
Обведу, занавешу глаза.
Небо вон!

В небе месяц.
Тянутся, льются
Расцвеченные облака.
Звёзды всё к краю жмутся,
К краю, в котором мгла.

Так в небо бегу,
Выкрикивая
Мольбу из всех сил!
На землю такую дикую
Никто меня не просил!

2008 г.

* * * *

Захочет ли слушать?
Поймёт – не поймёт?
Холодные души –
Отточенный лёд.
Прозрачное сердце –
Вода и вода,
И телу не деться
От них никуда.
Но дно не прочнее
Солёных глубин.
Холодные души...
И ты здесь один.

2006 г.

* * * *

И воля века, доля века
Всегда довлеют надо мной.
Но где найти нам человека –
Стоять с разорванной спиной
Между веками,
Между мирами,
Стоптав сапогами
Листы бумаги,
Стоптав ногами
Былые стяги?!!

Из зимних окон,
Из пыльных – дух
Одна морока,
Один испуг,
Истошный стон,
Да глянец вон!

Там злость крепка,
Да зверь глубок,
Из печки скок!

Так стань – песком,
Меж рук ползком,
Терзай мирок,
Живи внаскок!

1998 г.

* * * *

Так эта истина проста,
Что могут странными казаться
Все эти сжатые уста,
Все эти сломленные пальцы.

Иди один и будь один –
Ты в этом мире Властелин!

2006 г.

* * * *

Если родишься ветром –
Снова и выть, и петь.
Если родишься пеплом –
Знаешь одну лишь смерть.

Дух перемен – играет
Глыбами чьих-то сил.
Яркий огонь – не знает,
Кем он когда-то был.

2006 г.

* * * *

Нельзя управлять ничем
И, робко взметая руки,
Ложиться на дно затем,
Чтоб жить, избегая муки.

Родится с мечтой душа,
Но жизнь оставляет с пылью.
Не выпрыгнуть в дверь, дыша, –
В пути надевая крылья.

Но добрая весть придёт,
Разбудит осенним стоном,
И буря тебя поймёт
И примет в свои ладони.

2006 г.

* * * *

Я дышать хочу неровно:
Вдох неровный, вдох земной!
Даже звёзды – непокорно
Дышат рваной тишиной.

Я бежать хочу неровно:
Крыши край и край окна.
Даже птицы – беспокойно
Опадают на крыла.

2006 г.

* * * *

Я запредельной скоростью протравлена,
Пронизана высотами земли,

Но там, внизу, надгробье принесли,
И свечи по местам уже расставлены,

А я дышу дыханием награбленным.
Передышав, взяв бешеный разгон,

Я прыгну в отлетающий вагон...

1999 г.

* * * *

Заперто небо.
Стучи – не стучи,
Под брошенным пеплом –
Сгорают ключи.

И – сон неумный,
И – жар неземной.
Сгораешь, сгораешь –
А пепел не твой.

2000 г.

* * * *

Можно ли небо украсть у земли?
Золото у огня?
Где же найдут меня?
Горлом – наперерез:
"Нет никаких небес!"

2003 г.

* * * *

Долина смерти и страданий,
Долина северных ночей.
Заплачут стены от дыханья
Своих незримых палачей.
Непокорённые, не знают,
Что стены *стоя* умирают.

2004 г.

* * * *

Даже когда убивают,
Можно на небо смотреть,
Можно в цветущие дали
Жизнь посылать, а не смерть,

И зависать над границей
Света дневного и тьмы,
И невесомою птицей
Прочь улететь от тюрьмы.

2006 г.

* * * *

Горькая правда в том,
Что я летать умею,
Что за моим окном
Ветры растут сильнее.

Что растворюсь во тьме,
От высоты пьянея,
Что в поднебесной мгле –
Звёздный ожог больнее...

2005 г.

* * * *

Люди бывают жестоки,
Сами того не зная,
Бьются слепые токи –
Боль так течёт живая.

Люди бывают светлы,
Сами тому не веря:
Словно слепые ветры,
В даль открывают двери.

2007 г.

* * * *

Путь – и тернист, и пуст.
В путь – осыпают звёзды.
Будет ломаться куст,
Камень лететь с откоса,

И, зацепившись, влёт
Платье трещать и рваться –
Всё, что меня спасёт,
Вдруг запретит остаться...

2005 г.

* * * *

Всё напрасно, и я улетаю,
Отживает звезда на заре.
Я растущему солнцу оставляю
Сожаленья о будущем дне.

И прощенье не будет проситься,
И прощенье не сможет простить.
Всё напрасно, и я улетаю
Для того чтобы жить!.. чтобы *жить*...

2004 г.

* * * *

Пусто, пусто...
Голых комнат
Потревоженный покой.

Пусто, пусто
В голой боли,
Пусто место под рукой.

Я его собой накрою,
Только место –
Нет тепла.

Пусто небо за стеною,
Пусто, словно тень ушла...

2005 г.

* * * *

И вот я лежу на оранжевой полке,
Дрожу, как созревший в руках апельсин.

Кто приходит за нами? Волки,
Терпеть которых – ну нет сил.

И как надоело правее правого
Лежать и думать: "А вдруг не я?"

Соседа, товарища моего славного,
Жуют, причмокивая, за меня...

2007 г.

Стол

Сорок стихий – измерение памяти –
Душу, отравленную, – на засов.
Можно поставить стаканы, и скатерти
Срочно
Вытащить
Все
На стол.

Всё, что придёт, обещав – схлынуться,
Всё, что разыскиваем в глубине,
Будет поставлено, будет вынуто,
Будет
Смешано
На столе...

2013 г.

Арифметика Крыльев

* * * *

Гулкой ночью, тёмной стынью,
Сине-ветреной зимой
Фиолетовые крылья
Вырастают за спиной...

2003 г.

* * * *

Арифметика крыльев проста:
Дважды два ожидания полёта.
Два и два: вознесенье креста
И распятого ввысь самолёта.

А ведь крылья – луны чистота.
Крылья-путы мои за спиною
Сброшу
Вместе с листвою –
Только
Рук пустота.

1999 г.

* * * *

Море, безбрежное море,
Стынет без неба земля,
Но элементами воли –
Не изменить бытия.

Всё, что случилось, случится –
Миру наступит конец;
Лишь одинокая птица
Слышит биенье сердец...

2007 г.

* * * *

Пустое, кажется, пустое –
Сидеть в дыму, трещать костром.
Я ветви чёрные раскрою,
Шагну в зияющий проём.

Разбудит шаг листву живую,
Неясыть вскинется, шурша,
И крылья птицы поцелуют
Туда, где теплится душа.

1999 г.

* * * *

Свой полёт, а не сон
На ладонях несу,
Словно сломанный дом,
Словно пламя-росу.

Словно высохший рот,
Полный жаждой до дна,
Словно чёрный пролёт
На середине окна.

На середине руки –
Солнце каплей горит.
Свой полёт унося,
Только ветер кричит.

2001 г.

* * * *

Прощаюсь с тишиной.
Прихожу: "Здравствуй".
Груды сваленных книг на полу –
Достояние нищих.

У меня есть горы голубей,
Чтоб разослать тысячи страниц.
Врываешься в стаю:
Крылья бьют по лицу...

2001 г.

* * * *

На немом пьедестале
Наша жизнь так пуста,
Словно руки устали
В ожидание креста.

Не понравился стае –
Вот традиций закон:
В переполненной стае –
Или ты, или он.

В переруганной стае –
Как мечи топоры,
И надгробья из камня,
И венки из ветлы.

Снова бури смывают
И тела, и следы.
В перепуганной стае –
Или я, или ты.

2004 г.

* * * *

Двери в двери, двери в окна,
Двери в каменный приют.
Не согласишься, даже стёкла
Вместо хлеба выдают.

Вместо света – веет пылью,
Вместо пламени – вода.
Не поверишь, даже крылья
Отбирают иногда.

2005 г.

* * * *

Ветер тебя встретит,
Ветер снесёт причал.
Ветер всегда – ветер,
Где бы он ни кричал.

Стая всегда – стая:
Бьётся лицом к лицу.
Стая всегда – злая,
Словно зверьё в лесу.

Ты не придёшь, знаю,
Время больших потерь.
Ветер снесёт стаю,
Ветер снесёт дверь.

2007 г.

* * * *

Всё, что будет, – только будет,
Даль сиянная легка.
Кто-то крылья позабудет,
Кто-то взмоет в облака.

Всё, что будет, – только снится,
Скрыто тайною рукой.
Рвутся радостные птицы
В нарастающий покой.

2007 г.

* * * *

Светлые тени – исчезнут.
Спит величавая даль,
Спит несравненная бездна –
Звёзд ледяная печаль.

Сгинут тяжёлые лица.
Сердце поёт и поёт,
И очертания птицы
Снова уходят в полёт.

2007 г.

* * * *

Я взлетаю. Больно, больно
Режут крылья синеву.
Я взлетаю – и довольно,
Эти крылья – наяву.

Мой полёт невнятен, тёмнен,
Как захлопнутый цветок.
Я взлетаю... ветер гонит
В нарастающий поток...

2004 г.

* * * *

Это белая птица –
Голова в никуда,
Это время мне снится,
Где вода и вода,
Это пламя мне светит,
Что огонь и огонь,
Это время нас встретит,
Что ладонь и ладонь.

Это башенный ветер
Смыл с волос полотно,
Это место мне снится,
Где окно и окно.

2001 г.

* * * *

В этих серых больших зеркалах
Я опять отражаюсь и таю.
Я в чужих растворяюсь чертах,
Я собою почти не бываю.

На протянутый камень ступлю –
Небеса улыбнутся устало...
Как я город теперь не люблю,
Как я вечною птицей не стала.

2003 г.

* * * *

Как-то раз морозною весной –
Это в марте может лишь случиться, –
Пролетала в синем небе птица,
Нам даря свой облик, голос свой,

Нам невероятный свой полёт
Вдруг внося в распахнутые души...
И никто молчанья не нарушил,
Забегая голосом вперёд.

2011 г.

И под ноги падали крылья...

...Я шёл. И под нóги мне падали крылья,
Крылья бабочек светлых и оранжевых птиц,
Крылья ветра, застрявшего в тёмной низине,
Крылья всех опалённых когда-то ресниц.

Был тончайшим мечом этот мир опоясан,
И взлетающих – он пощадить не спешил.
Я шёл. И под ноги мне падали листья,
И валялись в открытое небо души.

2002 г.

* * * *

С вершин деревьев
Спала тишина,
Я подберу внизу
Осколки сна...

Летели птицы
С севера на юг
И тишину
Узрели в небе вдруг.

Я собрала внизу
Осколки сна –
На небе снова
Та же тишина.

2010 г.

Там...

Поэма

1.

Месяцы, годы –
Облако мимо,
Вернее, по кругу.
Больной чертёнок
Запрыгнул в руку.
Живёшь, во сне ли?

Прыгали за борт.
Выхода нет.
Возврат.
Вода тверда,
В ней соль намыта
Из недр земли –
Слёзы о небе.

2.

Что слышно? Где ты?
Я рву газеты.
Письма редки,
Слова густы.
Так поздно...
Солнце уже в зените.

3.

Кто может бежать и быть первым?
Человек, выкрикни имя! Где ты?

Нас много так.
Душа – пятак:
Кому копейки,
Кому ничего
Не досталось.

Жизни?
Лишь самая малость.
Сказки про вечность.

4.

Я с миром один на один.
И ты, и другой, и третий,
Мы все.
И все делаем вид –
Нет никого на свете.
– До свидания. Здравствуй.
Я один.
А вместе?
Были!
Чай? Пили,
Кровь пролили.
Кого спасли,
Кого застрелили.
В мячи играли,
Забил – качали,
"Ура" кричали,
А завтра промазал –
Вот! Получай! –
Бреди меж льдин,
Опять один.

5.

Время – птеродактиль в полёте.
Его уже нет, а он всё летит.
Вдруг – постойте! где я?
И вот – в камне полёт,
Расправлены крылья.

Время – предел:
Ни выше, ни ниже.
Выпростал руку –
Нет руки.

Кричи, беги...
Захочешь вектор,
А всё по кругу.
Заглянешь в вечность –
И там круги.
Выхода нет,
Но знай,
Мучься, болей и чувствуй:
Лезет Земля чрез край –
Рук раскаленный сгусток
К сердцу прижми и чувствуй...

6.

Но где ты? Выкрикни имя!
Станем другими,
Станем большими:

Сердце – солнце,
Живот – море,
Ветер – рука.
В груди ни звука –
Безмолвная песня.
Станем же вместе!

7.

Жизнь коротка?
Где же тела? –
Только смеялись?
Глянь вниз!
Видишь:
Река,
Мертвых полна.
Их в новый путь
Тянет луна.
А где же души?
Молчи, слушай!
Одни
Застряли в ветвях,

Другие –
В сетях
Рыбой живою плещутся.
Есть – что в путях
Канули млечных.
Атом...
За ним пространство.
Там
Может, встретимся?

1999 г.

Над книгами

Марине Цветаевой

Поэты – не лица,
Поэты – не роли,
Поэты –
 спицы
 в колёсах
 Истории.
А есть –
 не гладкие,
 не как все.
И станут
 палкою
 в колесе!

2013 г.

Предпочитая бездонное

Строчки, лихо завитые, –
Ни прекрасны, ни плохи:
Упрощённая стихия,
Уплощённые стихи...

А есть бред, а дна нет...

2000 г.

Подражание Игорю Северянину

Перепутаны дни
В бесшабашном апреле.
Там порхают слоны
На воздушных качелях,

Там взлетают мосты
Над бездонными ямами,
Там рыдают коты
Под большими каштанами.

Над домами, бульварами,
Тротуарами пьяными
Я гуляю в сиреневом,
А грущу в ягуаровом.

1999 г.

В платье цвета жасмина

Игорю Северянину

В платье цвета жасмина
С лепестками ванили
Вечерами ловила золотое такси.

Каблуки твёрдым стуком
Мрамор зала пьянили,
По утрам оставляя на камине очки.

Может быть, ты узнаешь
Эту леди-тряпицу,
Леди бешеной страсти
В разорённой избе?

Может быть, в этой шали
Из прожжённого ситца
Ты проснёшься царицей,
Если встанешь во сне?

2005 г.

Дамы в бархатных шالях

Игорю Северянину

Дамы в бархатных шالях,
 в длинных платьях муслиновых,
Завтра все в африкановых,
 а вчера в аргентиновых.

И в дыму ресторановом за широкими спинами
Заедают шампанское миндалём и маслинами,

А к утру разъезжаются в шевроле апельсиновых...

1999 г.

Солнце

автору стихотворения

"Будем как солнце" –

Константину Бальмонту

Солнце – жёлтая стена,
Солнце – жаркая вместительность,
Солнце – первая волна
В ослепительную длительность.

Солнце – белое как снег,
Золотое, тёмно-красное.
Солнце – бешеный набег
И сожжение несчастного.

Башни вздёрнуты, мосты
Раскалённые – растаяли.
Обезглавлены цветы
И разбужены развалины.

Солнце жарит, а не ждёт.
Солнце больше, чем чувствительность.
Солнце – пламенный полёт
В золотую ослепительность.

2001 г.

Подражание Сергею Есенину

Расплескалось небо в широте и сини,
Заливает светом все поля России.

Защемило сердце, и душа в неволе,
Пропиваю юность, прогораю в боли.

Седина ручная и ручная жалость,
Погулять на свете мне чуть-чуть осталось,

И любить, как прежде, в пустоте бессильной
Не сумею... где же, крест ты мой могильный?

2015 г.

"Дикая охота короля Стаха"

*(впечатления от повести
Владимира Короткевича)*

Солнце обнимешь – прах под ногами.
Ядом,
Адом к тебе иду.
Чёрная весть легка...

До́мы во льду.
Дни костяные вкра́плены в лёд,
Духи не греют.

Плачет незванка:
Родный край горше.
Плачь, да не вой.

Сердце схоронишь –
Плети обрубок,
Пыль на карете,
Лёд да не жар.

Ропот копыт,
Всадник подвешен:
Узкие щели – рот да глаза.
Чудом услышишь.

Прячьте не прячьте,
Выпьете ядом
Горе над адом –
Колокол дрогнет.

2000 г.

Лермонтов

Так и ушёл он в вечность,
Время не полюбив.
Так и ушел он в вечность,
Не заперев свой стих.

Люди, в тетрадках роясь,
Шаря на вкус стихи,
Вы проглядели, кто есть
Ветер со всех стихий!

Вы проглядели знамя –
Выжженое полотно.
Вы проглядели пламя –
В вечность своё окно...

2012 г.

Демон

Михаилу Лермонтову

I.

На небеса, где ветрено, светло, –
Не унесёт разбитое крыло.
Раскинь хоть руки –
Вниз! С обрыва!
И он бродил, крича уныло,
Бросая камнями в стекло.

"Я выбил воды из берегов
И бушевал над кораблями!
Я зависал среди миров,
Прикован лунными цепями.
И снова, сорванный с оков,
Я шар земной вращал руками!

Я за судьбу свою немало
Разрушил ваших городов,
Взрываясь лавою вулкана,
Давя скорлупки островов.
И вот я сам корабль в тумане –
Игрушка жалкая ветров..."

2006 г.

II.

Он шёл – его не замечали.
Стволы деревьев, пустота.
Копыта полые стучали,
Тащились сзади два хвоста.

Он шёл в дома унылой тенью,
Прощался с мёртвыми. Бог весть!
Он знал, что мир несовершенен,
Не знал, что счастье где-то есть.

А страны – раскрывали дали,
Дождём поили из ковша.
И про себя он думал: "Демон", –
А люди думали: "Душа".

2006 г.

III.

Я волей богов был прикован во тьме,
И Солнце в ночи улыбалося мне.
Не знал я, в мечтах отлетая ко сну,
Что Солнцем своим – называю Луну.

Не видел, бродя средь ночных облаков,
На пальцах – железных, звенящих оков.

Но дух мой покинул личину свою,
И волей судеб на равнине стою;
Я вышел на свет, и упала слеза –
То Солнце мои затопило глаза.

2004 г.

По горней Отчизне тоскою полна...

Поэма

*(под впечатлением
от поэмы Михаила Лермонтова "Демон")*

1.

По горней отчизне
Тоскою полна,
Стремления к жизни
Не знала она.

И дни проходили
Бесследно, пусты.
Цветок увядал,
Не отдав красоты.

Но ясною ночью
Под белой луной
Он тихо возник,
Шелестя за спиной:

"Пойдём же со мною,
Что мучиться зря?
Там гордые реки
Вскрывают моря.

Там огненной лавой
Струится поток,
Что Солнце ведёт,
Раздувает Восток.

Там горы безмерны,
Равнины чисты,
Такой ты не знала
Ещё красоты".

И руки протянуты,
Руки берёт –
И в дали златые
Чудесно ведёт.

2.

И вот проживает
Красавица там.
Года и минуты –
Все равны векам.

Там время остыло,
Замедлило ход,
И Солнце пустынно
По небу бредёт.

С рождением ночи
Приходит Луна,
Прекрасней и звонче
Сияет она.

Любуясь бессонно
Все дни напролёт,
Познала, что снова
Душа не поёт.

И к Демону,
Страстной мольбою полна,
Опять обратилась
С надеждой она.

"О Демон прекрасный!
Ты полон душой,
Ты мой безучастный
Усилил покой.

Я думала: стану
Сиять и гореть,
Когда перестану
На землю смотреть,

Где много страданья,
И мерзко больны
Поддунного мира
Стяжатели тьмы.

И нужно признаться:
Покой я нашла,
Красой пропитаться
Успела сполна.

Изведать сумела
Стихию и лёд,
Но эта дорога –
На свет не ведёт.

Сильнее и чище
Сияют лучи,
Но горнего смысла
Ты в них не ищи!"

"Что ж, – Демон ответил,
Свой взор затая, –
Такого блаженства
Не знаю и я.

С рожденья прикован
К мирам красоты,
Лишь мёртвого смысла
Я знаю черты.

Оправиться сложно
От этого сна:
Чудесною ложью
Жить можно сполна.

Веками – кипучий,
Наземный народ
Прекрасною ложью
Живёт и живёт.

Я к правде и свету
Не знаю пути,
Придётся на землю
Обратно идти.

Лишь там, узнавая,
Чем радостен звук
Неровных шагов
И неправильных рук,

Неправильных лиц,
И чем доля сладка,
Вручённого смерти
Живого цветка...

Я слышал, что там лишь
Находят покой,
Что там только – можно
Проснуться душой.

И если ты этот
Проделаешь путь,
То сможешь затем
И ко мне заглянуть.

Поделишься светом –
И станет живей
Холодное сердце
Одной из теней".

3.

По горней отчизне
Тоскою полна,
Стремление к жизни
Узнала она.

Вернулась на землю
Отведать щедрот,
Что горе, страданье
И смерть нам даёт.

Узнать, как душа
Погибает от мук,
Как много на свете
Испорченных рук

И дум, что чернее
Земли и угля,
Как сердце немеет
Куском янтаря.

Как праведной сложно
Стезёю идти.
Как серою ложью
Размыты пути.

4.

И вот – час приходит
Для смерти её.
В сияние входит,
В сиянье идёт.

Лицо, и одежда,
И пламя души –
Таинственным светом
Делиться спешит.

И правда не знает
Границ и преград,
Но правды сиянью
Наш Демон не рад.

Он в очи златые
Взглянуть не посмел
И, словно от боли
Застыв, онемел.

"Пойдём же со мною,
Что мучиться зря, –
Туда, где всё время
Сияет заря.

Туда, где прекрасный,
Живой небосвод
В душе безучастной
Твоей запоёт.

Где люди, и дети,
И звери чисты,
Где гибкие ветви,
Живые листья".

Но Демон печально
Качал головой.
"Я Демон, идти
Не могу за тобой.

Мой жребий – парить
В тех холодных мирах.
Я телом силен,
Но душа моя – прах.

Мне горнего мира
Губителен зной,
Он глаз нестерпимо
Палит белизной.

Светил круговой
Непрерывен полёт –
Чужая звезда
В этот мир не войдёт.

А горы прекрасны
И реки чисты,
Довольно в своих мне
Мирах красоты".

И руки красавицы
Падают вниз,
С бессильем взирает
На бездны глазниц.

То Демон прекрасный,
Исполнен собой,
К мирам безучастным
Прикован душой.

Там сильно и чисто
Сияют лучи,
Но горнего смысла
Ты в них не ищи...

2015 г.

Чародей

1. * * * *

Там, в прекрасных полях,
Миллион лет назад –
Кто-то страшный бродил,
В землю пряча свой взгляд.

Кто-то грустный бродил
И застрял невпопад
В этих сонных полях
Миллион лет назад.

Он узнал про моря,
Про деревья и страх,
Что с годами в полях
Появляется враг.

Что никто не живёт
Миллион лет подряд,
Кто-то страшный узнал
И затих невпопад.

2003 г.

2. Чародей

Для себя и для людей
Копит чары чародей.

Он в сундук кричит огромный:
"Ну-ка, дьявол, выходи!"
Он пугает кошек громом,
Прячет камень на груди.

Он загадочные зелья
В ступке носит на огонь.

Он вороны варит перья
И сушёную ладонь.

Он в распахнутые двери
Ждёт и мёртвых, и живых.
От него лесные звери
Удирают за троих.

Ночью он глядится строго
В расписные небеса:
Там лежит его дорога –
Золотая полоса.

2003 г.

3. * * * *

Птицы тонут в вышине,
Рыбы вязнут в глубине,
А на сердце только кошки
Улыбаются во сне.

Тишины дверной приют,
Сна забытого уют,
А на сердце чудо-кошки
Ночь волшебную поют.

2006 г.

4. * * * *

Город водопадом спадает с камней
К морю –
Бухтами, пестротой ковров и дней.
Город древний, как свет луны,
Падает сотней морских теней.
Там глухие сады темны,
Ну а двери ещё темней.

2002 г.

5. Ночь пришла

Ночь – тёмным ветром пришла,
В небе моём – сакура расцвела.
В тростнике шелестит родник,
Может, к нему – ты приник?

Я ловлю серебро облаков
И зелёный нефрит луны.
Может, ты и придёшь,
Странник с той стороны?

Может, тень твоих дней
Ляжет на облака
И приплывёт ко мне?

2002 г.

6. * * * *

Рынок в дом впустили двери,
Рынок – праздная толпа:
Всё истопчут, всё изверят,
Вплоть до чистого холста.

Весь исколот и исчерчен
Каблуками, ходит пол.
Изо всех углов и трещин
Холод шёл и говор шёл.

Незнакомкою не свиться
Мне калачиком в углу,
Невидимкою не скрыться
У себя в родном дому.

Чёрный купец в дому,
Всё от него приму –
Цепи, железо, сталь.
Только тепла оставь!

2006 г.

7. Северный бог с золотыми глазами

Как целовал,
Как заглядывал в глаза бог!
Как бежала в траву, обдирая колени!
Северный бог с золотыми глазами,
Как ей уйти от него?

Взгляды растут,
Куда ни кинь – высота одна.
Голая грудь содрана воздухом,
Руки остыли, веки в огне.
Как замирал, как отвечал бог!

Можно ли шаг ступить? –
Сердце в голову летит.
Как говорил, как любовал бог,
Звоном цепей – уста его.
Скрыты ноги его, голова, грудь.

Как волновал,
Как замирал дух!
Ветром пьянит, осенью жар разгоняет.

Солнце палит. Ввысь!
Жарким туманом – сон, сон мой багряный!

2005 г.

8. * * * *

Я дико безумна!
Крови́ океан,
Прибившись к вискам,
И давит, и стонет,
И дух пополам!
И серый, и будний
День – скормлен был псам,
Скакнувшим из ада
К моим ногам!

1997 г.

9. Злой колдун уходит прочь

Злой колдун уходит прочь.
Злой колдун уходит. Ночь
Провожает до утра
Всё прожитое вчера,
Всё пробитое внутри.
Ходят следом фонари.
Оживает тишина,
Забывая колдуна.
Чары бешеного дня
Ждут ближайшего огня.

2003 г.

10. * * * *

"В золоте – Солнце, Луна – в серебре,
В меди – Венера", – шепчу я тебе.
Чёрного, ртутного выпью вина –
Чёрная кровь никому не видна.

2003 г.

11. * * * *

Две дороги, две ветлы,
Две летящие скалы.
Чёрен вечер, чёрен круг,
Только вороны вокруг.
Не допустят злого дня
Заклинанья от огня.

2004 г.

12. * * * *

Как бездушные храмы
На равнинах пустыни,
Едут чёрные дамы
Поклониться святыне.

В маске лживой порока,
В сети слов и сомнений
Бледно тени Востока
Восстают из забвений.

Скрип колёс, тени слева,
В этот час всё безлико.
Лишь Пустынная Дева
Молит Солнце-владыку.

1993 г.

13. * * * *

Пустыня уступает сырым пескам
Там, где стучит в берега океан,
Там, где губы влажны и глаза
Водой, которую пить нельзя.

Там,
Где ветер встречает кровь...
Там,
Где может упасть стена,
Она никому не нужна,
Любовь...

2001 г.

14. Когда я умру красивой

I.

Когда я умру красивой,
Моё тело застынет, подобно камню,
И пролежит так вечность,
Когда я умру красивой...

II.

Она засыпала, сверкнув на прощание
Золотым сердцем.
Её золотое сердце
Лежало на чёрных камнях вечности...

2014 г.

Опоздавшие письма не рвут

* * * *

Моё тепло – ладонь глубокая,
На пальцах вогнутые стали,
От горизонта невысокого
Зонты, как гибкие вуали.

И, сокращая расстояния,
Безглазых форм храня молчание,
Я понимаю: безобразная
Ладонь – не стоит осязания.

1999 г.

* * * *

Любовь – огонь, в котором тонешь,
Как сердцем высвеченный рай.

Любовь как дом – в него приходишь,
Когда захочешь умирать...

Но умирать – до Воскресенья,
До дня ответного в груди.

Любовь не требует спасенья,
Она *спасает* – приходи!

2016 г.

* * * *

Любовь – на вершине вздох,
И ветра, и снега шёпот.
Любовь – это тайный Бог,
Любовь – это сладкий рокот.

И странно в себе признать
Отсутствие тьмы глубокой,
И странно себя понять
И больше не быть жестокой...

2016 г.

Губы рождают губы...

Губы рождают губы,
Так и цветы – цвета.
Я называю чудо –
Ты закрывай глаза.

Я нарисую двери –
Ты открывай окно.
Я на больших деревьях –
Ты за большим холмом.

Я на старинной карте
Смою рукой моря.
Ты приходи рассматривать
Ржавые якоря.

Солнце бушует в травах,
Ночью трава в огне.
Ты приходи разгадывать
Сны. Приходи ко мне.

2003 г.

* * * *

Если яркого дня ты захочешь,
Беспокойных и жарких лучей,
Я пошлю тебе синие ночи –
Сотни тысяч бездонных ночей.

Твой разбуженный голос грохочет,
В это время – ветра всё сильней.
Ты увидишь лишь синие ночи,
Сотни тысяч бездонных ночей!

2005 г.

* * * *

О тех, кто засыпает под ногами,
Мы слова никогда не говорим.
О тех, кто будет нашими слезами
Любим, терзаем, будто бы любим.

И расцветает по утрам так трудно,
И засыпает по ночам как ложь
Моя любовь, как маленькое чудо,
Хотя её звездой не назовёшь.

2015 г.

Трудно не опасть...

Трудно не опасть,
Трудно не отцвести.
Куда же мне столько класть
Листьев? – цветов-то куда нести
Столько огромных, свежих?
Оранжевых листьев рост,
Оранжевую их нежность –
В сердце каких волос?

2006 г.

* * * *

Я скажу, что на нас облака,
Что лежу и не смею лежать.
Ты-то знаешь, что надо слова
В потеплевших тетрадках искать.

Ты-то знаешь, что есть облака,
Что летают, плитой не давя.
И что сонно обнимут тебя
Чьи-то губы опять и опять.

2001 г.

* * * *

Слов шуршащая прохлада,
Угасанье на миру.
Утешать меня не надо:
Ты умрёшь – и я умру.

Будет грохот звездопада:
То ли снег, то ли вода...
Утешать меня не надо
У растаявшего льда.

2005 г.

* * * *

Криво зеркало смеётся,
По глазам блуждает сталь.
Над чужой кроватью рвётся
Красно-белая вуаль.

Ночи длинные, дни бессонны,
Льётся жаркое вино.
Быть твоею по закону
Мне вовек не суждено.

1990 г.

* * * *

Мне тебя не удержать:
Пусть бежит твоя река,
Не достанется опять
Даже быстрого глотка.

Мне тебя не пережить:
Пусть ликут соловьи,
Легче голову сложить,
Чем добаться до любви.

Кони выйдут на простор,
Жарким воздухом дыша...
Мне тебя не удержать,
Пусть кричит твоя душа!

2006 г.

* * * *

Я этот вечер не нарушу,
Мне будет трудно, извини,
Твои бушующие души
Носить, как платья, изнутри.

Мне будет трудно спать в объятьях,
Ходить над сонной головой,
И руки прятать, губы прятать
Под обнаженной простынёй.

Я белых стен прошу молчанье
Нарушить новою мольбой,
И расстоянья, расстоянья
Приходят следом за тобой.

2003 г.

Он ничего не говорил...

Он ничего не говорил,
А лишь смотрел и мял мне руки...
Он ничего не говорил,
Мы знали оба о разлуке.

Давно отмучилась луна
В сетях слепого небосклона.
Он мною жил, он ждал меня,
А я его, на небе тёмном.

Душа к душе... любовь видна,
Любовь привязана к разлуке...
И вот на хладном поле дна
Лишь я да он, да смяты руки.

2012 г.

* * * *

Время жизни, увы, ограничено...
Постучалась слепая беда.
Изменение знает отличие
От прыжка в никуда, в никуда...

И как тонкие пальцы касаются
На рассвете утраченных губ,
Так слепые цветы распускаются
От разлук, от глубоких разлук...

2011 г.

* * * *

От тяжёлого боя устав,
Я тебя узнаю, узнаю,
Так любовь принимает устав
На земле – оболочку свою.

И простых здесь не слышится слов –
Все ворота у них на цепи.
Для меня отворяли засов,
Только я не сумела войти...

Я не жаждала вызнать до дна
Этот рай примитивных кадил,
Я не думала быть как луна,
Я не думала жить средь могил...

2011 г.

* * * *

Примешь надёжное сердце
В руки свои – упокой
И безутешное детство
Светлой от сердца рукой.

Ты не узнаешь растленья
Белых сердец и немых,
И, перейдя потрясенья,
Будешь живее живых!

2016 г.

* * * *

Тени, блики, снова тени,
Блеск вина не погаси,
Тёмным ветром лист осенний
На прощанье принеси.

Будут тёплые объятья
Днём – и завтра, и вчера.
Будут сорванные платья
И надорванная мгла.

Будут счастья пилигримы –
Губы пить, едва дыша.
Будут срезы лиц в картинах
Застывать, ещё дрожа.

2006 г.

* * * *

Все реки текут из сада:
Все реки теперь ручьи.
Я снова тебе не рада,
Но ты приходи, молчи.

Не ссорься с ночной прохладой,
Не спи на пустом столе.
Я больше тебе не рада,
Но ты приходи ко мне.

2003 г.

* * * *

Я запрещаю броские слова
И разрешаю светлое молчанье,
Как будто достигаю понимания,
Как городская боль сюда вошла.

Как запрещённый слов круговорот
Сюда ворвался, разрывая тело,
Как я вчера тепла ещё хотела,
И как сегодня боль меня сожжёт.

2001 г.

* * * *

Моё тело – зола,
Я горела дотла,
Я сгорела дотла
И осталась светла...

Ну а тело лежит
В этой пепельной мгле,
Лёгкий ветер кружит
По золе, по золе.

И считает с земли
Этот мёртвый огонь.
Не сгорел ты один,
И с тобой моя боль.

Уцелел. Словно лёд
Собираешься жить.
Не смогла в этот лёд
Своё пламя вкратить...

2015 г.

* * * *

Рассвет, шипящий на дне бокала,
А-алой буквой окрашен в цвет...
Я больше к тебе приходить не стала:
Ковром зарастает след.

Как сосен бывают нежны вершины
И колки шипы у роз,
Так ты, расколовшись на две причины,
Последний рассвет унёс.

1998 г.

* * * *

Два желанья,
Две разлуки,
Сотни прожитых теней.

Ждёшь:
Чужие будут руки
Обнимать тебя сильней!

2008 г.

* * * *

Прорастают руки
В тишину ветвей,
Обними до муки –
Ты не будешь с ней.

Ты не будешь сниться,
Ты не будешь спать,
Мы забыли лица
Положить в кровать.

Ухожу в разлуку,
Громче нет ночей,
И шагают руки
В пустоту дверей.

2001 г.

* * * *

Я прошу тебя не трогать,
Не гореть в обмен на лёд.
Я прошу хотя бы ноготь
На вечерний самолёт.

Я прошу тебя не прыгать
На болящей груди,

Я прошу хотя бы выгнать
Тех, кто будет впереди.

Дым объятого пожара
На растресканном стекле...
Я прошу хотя бы пара,
Если реки не ко мне.

2002 г.

Опоздавшие письма не рвут

Опоздавшие письма не рвут,
Успокоенный сон наяву...
И, касаясь конвертом лица,
Боль угасшую в грудь не зовут.
Даже льдины в огне не живут,
Для чего же обычным сердцам?

И зачем по утраченным снам
Так сгорать, как горишь по живым?
Снова твёрдой печатью скреплять
То, что стало совсем дождевым.

Опоздавшие письма не рвут,
Их качают, в руке затая...

2006 г.

* * * *

Я осталась без этого чувства,
Я могу теперь просто жить,
Я могу просто идти в магазин,
Видеть утро,
Видеть ласковые цветы,
И как солнце вокруг разлилось покоем...

Я могу не вздрагивать всей душой,
Когда незнакомая женщина рядом
Рассказывает кому-то:
"Мы немного пожили – расстались,
А вчера я встретила вдруг его..."

2016 г.

* * * *

Лети скорей! Тебя не переделать –
Слепой луны бытийные лучи!
Так замирают в танце виноделы,
Так замерзают наскоро ручьи.

Мечта любви – нестигнувшая правда,
Лучи любви – и чище, и сильнее.
Лучи любви – как светлая оправа
Безликих, исчезающих теней...

2012 г.

* * * *

Танцы вокруг огня
Ночью, слепые танцы.
Свет, что летит в меня,
Просит навек остаться.

Вечно держать огонь
В небе туманно-синем,
Вновь погружать ладонь
В контур незримых линий.

Вечно о Солнце петь,
В танце кружа летящем.
Вечно его хотеть...
И умереть просящим.

2006 г.

Нелистья

осеннее

* * * *

Я не помню, когда это было
И в каком неучтённом году
Неуснувшая осень бродила
У меня в полутёмном саду.

Я спала и не знала, откуда
Шорох листьев и воздух ночной,
Укрываясь зачем-то от чуда
За туманной сырой пеленой.

Золотые деревья стояли,
Сжаты в узком кольце декабря.
Непрожитые дни застревали,
Чтобы всё же дожждаться меня.

1998 г.

* * * *

Чёрное зеркало – оземь!
В синюю шаль – с головой!
В двери врывается осень,
Плащ волооча за собой.

Будет раздавлена капля
На помутневшем стекле –
Скука мохнатою лапой
Тянется, скаясь, ко мне.

1991 г.

* * * *

Вижу: осень печально
Переходит в закат,
Птиц деревья качают
На уснувших руках.

Снова небо скучает
До весны в облаках...

А за окнами мухи
Так нелепо мертвы.
Стихли в комнатах звуки,
Сыты пылью ковры.

И наполнены руки
Взмахом крыльев совы...

1999 г.

Витает

Дым в воздухе витает
Дыханьем октября.
А тучи тают, тают,
И больше нет дождя.

Покой осенний снится,
Скрывая пеленой:
Какие были лица
И будут вслед за мной?..

1997 г.

* * * *

Внедрилась осень в таянье зеркал,
Из студня воздуха – дым вычленен и ясен.
Сон увядания и сладок, и опасен,
Скользкий мимо, ворон мне сказал...

.....

.....

1988 г.

Нелистья

За нелистья осенних шагов,
За некапли осевшего неба,
За неслякоть – не вымолишь снов
У сырого осеннего ветра.

Недыханье моё в ноябре,
Изморозье на траурных ветках,
Умирание в каждом стебле,
Умирание старого лета.

И хрустящими стёклами луж,
И преддверием первого снега,
И предчувствием северных стуж –
У дороги стою, несогрета.

1998 г.

* * * *

О солнце осень просишь,
За тучами следя,
И лист кленовый бросишь
В круговорот дождя.

Вмиг слёз крупинки тают –
Бесплотны и чисты,
И сотни рук бросают
В круговорот листы.

1993 г.

Словно чудо ушло...

Словно чудо ушло –
Побледневшая ветка.
Золотое стекло
На задёрнутых веках.

Золотые персты,
Золотые вуали,
Золотые шнуры
На задёрнутой шали.

Замираешь ли ты,
На витрины не глядя, –
Лишь на вечер мосты
В золотом листопаде...

2001 г.

* * * *

Пленные листья осени,
Тленные изнутри.
Первые дали осени
Шли, шли, шли...

Рано скосить пытаешься
Ветхие стебли-дни,
Серые стебли осени
Дли, дли, дли...

2014 г.

* * * *

Измождённая стихия.
Тонут листья на ветру.
Лёгкий шелест, словно пылью,
Осыпает поутру.

Слов грохочущих громада
Канет в даль, немую даль.
Только шорох листопада,
Только тёплая печаль...

2005 г.

Кто-то будет гладить кошку

Засыпающая осень,
Замирающая грусть.
Может листья кто-то сбросить
На колени, ну и пусть!

Кто-то пыльные дорожки
Поменяет на дожди,
Кто-то будет гладить кошку
На вздыхающей груди.

Кто-то сон увидит свежий,
Как вечерние часы,
Кто-то будет слишком нежным,
Кто-то слишком золотым.

2001 г.

* * * *

Осень греет торопливо.
Синь ветров, немая высь.
В твёрдом воздухе красиво
Ветви чёрные сплелись.

До дыханья долетают
Дым и воздух, шорох, свист.
В небе осени растает
Каждый стебель, каждый лист.

2006 г.

* * * *

Осень – бабочка в белом,
Улетай! улетай!
Мы раскрасили смело
Облака твоих стай.

Осень – бабочка в синем,
Золотые дожди,
Необъятные выси
Засыпают вдали.

Осень – бабочка в чёрном,
Затихай! затихай!
За объятьями ночи
Открывается май.

2004 г.

* * * *

Поцелуй в золотые глаза:
То, что светом теперь назовётся,
То, что будет для нас заменять
Навсегда улетевшее солнце.

Свет пробудет до самой весны,
В золотую листву отольётся...
Поцелуй в золотые глаза
Навсегда затвердевшее солнце.

2013 г.

* * * *

И не далёкими, а дальними
Я чьи-то вижу голоса.
Жгут полусонными дыханьями
Мои уставшие глаза.

На ветер – вера полагается,
Душа – на синие мосты,
И беспокойное – сминается,
Как чуть опавшие листья.

2003 г.

Я рисую герберу

Я рисую герберу

Сегодня я рисую герберу. У неё четыре цветка. Два крупных, распустившихся в полную силу, и два небольших, только раскрывающих трубочки лепестков, только набирающих спелые краски.

Цветы тёплого морковного цвета. Оранжевые, с едва заметным красным оттенком, погружённые в еле уловимую зелёную дымку. Эту дымку можно скорее угадать, чем взять и чётко определить. Зелёными лепестки оказываются с обратной стороны. Почти полностью зелены лепестки молодых цветов – тёплый травяной, с каплей жёлтого, цвет.

Крупные цветы несут, на первый взгляд, три ряда лепестков. Верхний ряд, под ним следующий, причём лепестки его проглядывают между лепестками верхнего, лепестки этих двух верхних рядов лежат не точно друг под другом, а со смещением, словно кто-то чуть повернул следующий круг, чтобы сделать цветок пышнее, красивее, чтоб не смотрелся он плоско. Иначе мы замечали бы густоту цветка, лишь глядя на него сбоку. А прямо на нас смотрела бы не гербера, а рыже-красная ромашка.

Но начиная рассматривать третий, самый нижний ряд, я с удивлением замечаю, что и не совсем всё так. Ряды есть, но они нарушаются. Некий лепесток вдруг, бывает, смещается, чуть выступает из своего ряда и ложится вбок – на своего сотоварища, как будто ему неловко со своими и хочется принадлежать к более высшему кругу. Выходцев таких – примерно четверть, остальные же лепестки ровно смыкают свой ряд.

Ловлю себя на мысли, что хочется по лепестку разобрать этот цветок, чтоб понять, как он устроен, и

тут же ужасаюсь: разве можно разобрать природную красоту? Разве хочу я вдруг сорвать и ощипать живой, трепещущий цветок? Я держу его на груди, и он вздрагивает от биения моего сердца. Сердце бьётся неровно, лепестки раскрылись в неровном ритме. Сама природа шепчет: брось, брось всё измерять, всё прекрасное непостижимо, неуловимо, и скроено непонятно как. Видишь, вот и нижние пять лепестков короче всех остальных, и жёлтый бисер тычинок по кругу то уже, то шире. Правильны лишь мёртвые цветы. Мраморные, гипсовые. Раскрыть, похитить секрет природы – не дано никому. Но это и не нужно. Он ведь живёт в тебе, бьётся в твоём сердце. Ты удержишь его внутри, и не давай его уму, он его погубит. Дыши, бейся, делай неровные и разные шаги, ты танцуешь со мной в восхитительном ритме.

2009 г.

Цветы и камни

Как-то мне приснился сон о цветах, утонувших в море. Они опустились на дно и лежали под толщей воды как под стеклом. Странно, почему они утонули, ведь должны были бы плавать. Цветы лежали там, пока не истлели. Когда они стали похожи на мочалку, уже никто не хотел на них смотреть.

Цветы – это всегда что-то... слов не бывает. Как рассказать такое? Ветер – свежий и ароматный. Стоишь в цветочном магазине и боишься почувствовать это. Потому что... как глупо!.. можно заплакать, усесться на пол рядом с ними. Да бог знает, что ещё можно вытворить! А вокруг люди! Подумают! Потому как, где цветы, там и люди.

Мой спутник радостно оживлён, цветы – это для него!.. Он сладко щурит глаза, суется, бежит, трогает листья. Временами дергает за рукав: "Смотри, бильбергия! Узнаёшь?"

Что неприятно в срезанных цветах – короткий срок. В них нет вечности. Заходишь в магазин снова – вроде бы, то же самое, ну, переставили не так, и странно знать – это другие цветы. Как представить цветочный поток сквозь магазин? Голова закружится! Цветы – осязаемое время.

Другое дело – камни. Маленький магазинчик с "драгоценностями", стою, выбираю, надув губки. В этом брелке не нравится форма, в другом – узор на камне. Что это? Да если бы такие магазины были в моём детстве! Что же опять? Страх почувствовать чудо? Опять не одна. Нельзя сесть, подолгу вглядываться в каждый камень, перебирать, смотреть на свет. Нельзя просто зажать в ладони, почувствовать. Разговор о цвете, о цене, слушаю дурацкий гороскоп: лазурит львам не подходит.

Украшаем себя камнями в надежде на вечность. Зажал камень в руке – и спокоен, он не завянет. Ты истлеешь, а он останется.

Увидела фотографии двух колец, поднятых с затонувшего корабля. Два кольца – одно на другом. Нет людей, нет любви, а они всё вместе. Лежат, как ни в чём не бывало. Может, это и есть вечность любви?

2015 г.

Жемчужины

Она подошла и отдала жемчужину своей души. Жемчужина была так себе, средняя, он повертел её в руках и бросил в грудку таких же, наблюдая, как пустой тенью тает душа.

Большие жемчужины встречались редко. Такие души, даже отдав их, продолжали сверкать; им открывались стены глубоких, ярчайших миров.

Средние – за упавшей стеной находили домики, деревья, цветы, словом, всё, что даёт уют и покой.

За мелкими жемчужинами не смотрел никто. Они так и оставались блуждать по серым и плотным коридорам "срединного" мира.

2005 г.

Ей снятся сны...

Ей снятся сны про любовь и удачу. Она видит кольца, мечи и браслеты. Иного времени, иной страны. Покрытые рунами и незнакомым узором.

Она разжигает костёр в тех мирах, видит лица, видит Его в дорогом одеянии. Видит простые истины: Он ей не муж, не любимый.

Ласковых взглядов нет, нет бесконечных объятий. Нет головокружения, нет звёзд над её неспящими очами. Нет их, нет двоих. Руны, браслеты, предметы кованные и чеканные. Сталь клинка – убивать. Сталь колец – повенчать чьи-то жизни.

Она видит Его с другой, видит – к груди подступает холод. Видит, как её боль бьётся в сетях её слабого сердца.

Она любила любить свои сны. Любила Любовь и Его сиянье. Кольца для этих оков не нужны – видеть Его в неземном одеянье.

2013 г.

Он не любит общепринятых слов

Он не любит общепринятых слов, не любит, когда ими выражают глубокие понятия.

– Почему ты говоришь такими ужасными словами? (Это я сказала "бытие" или "трансцендентность".)

Он раздражается больше и больше.

– Потому что все так говорят, – отвечаю я. Зачем же я буду изобретать новое?

– А вот и изобрети, и Расскажи по-своему, если ты действительно это чувствуешь.

Пожимаю плечами. Мне легко плавать в этих словах, они словно знаки, за которыми стоят мои собственные ощущения. Да, они у меня не такие как у другого. Но когда мы с этим другим будем общаться, то поймём, что всё это значит. А то – всё равно, что каждый раз раздражаться новыми описаниями стула или дерева.

Но Он всё равно раздражён и почти требует:

– Попытайся сказать не так как у других, передай по-иному, – и опять напирает: *если чувствуешь*.

Для него важно: если чувствуешь, нужно выразить и в словах. Он зовёт к какому-то новому труду: раскрыть так, чтобы свежесть слов зажгла в другой душе переживания.

Во мне всё противится. Зачем? Ведь всё может быть проще.

А он уже говорит кому-то:

– Вот зачем в своём рассказе Вы употребили выражение "суетный мир"? Неужели нельзя было иначе?

И опять непонимание. Все так привыкли к общим словам и выражениям...

2015 г.

Что мешает?

Удивительно: человек имеет такую мощную психику, объёмляющую мир, и может практически не ощущать её. Такое чувство, что люди не доделаны. Ведь какое огромное место занимает в человеке так называемая "жизнь". В голове всё время что-то вертится, поймаешь себя: "Боже, о чём я?"

Конечно, заботы о жизни – от них никуда не деться. Часть этой жизни (и огромную!) отдаём обществу. Но даже придя с работы, оставшись в одиночестве, – разве окунаемся в бесконечный простор? Нет и нет, жуём всё ту же мешанину бесполезных "недомыслей". Более того, многие это считают нормальным.

Человек как будто сидит на берегу, спиной к океану и копается в прибрежных лужах. Безусловно, каждый что-то выносит из жизни, но вместо того, чтобы на пороге смерти держать в руках жемчужины и кораллы, человек держит камешки и мидии. И многие скажут: это тоже кое-что. Согласна. Но разве... (!!!) разве это нормально?!

Что мешает жить лицом к океану?

2015 г.

Лоскуты

Жизнь складывается из таких разных вещей: занятия, трамвай, переход улицы из-под машин, магазин, хлеб, рассказ о прошедшем – вздох на кухне, радио с новостями, музыка-ассорти, сквозь решётку балкона – солнце после страшного ливня, девушки – одна с улыбкой, другая с прозрачной пелериной поверх брюк; старая ободранная школа (слава богу, скрывают деревья), воздух сырой и холодный, острая, глупая тревога за Него, до боли глупая тоска по нему, уходящему, хотя и только на час, бредущему одиноко, без меня.

Снова холод, пытаюсь закрыться, открываю Бэкона: "Ибо не мир нужно подгонять под узкую мерку разума, а раздвигать и расширять границы разума, чтобы сделать его способным воспринять такой образ мира, каким он является в действительности", – и жалкая судьба самого Бэкона.

Вот и Он, замёрзший и злой, музыка и радостный танец, на душе плохо и странно. Что это всё? Не понимаю, не ощущаю, есть так, как всё есть, да и как ещё может быть? И прошлое время сжито всё так же, безвременье хаотичности, расстроенности жизни.

Постоянно делаю лицо "всё как нужно", храню, креплю цементом эту размноженность, болезнь разрывает снова, болезнь выводит весь абсурд, ставит

его пред тобой: вот – это твоя жизнь, склеенное тобою стекло.

Каждый день чудо-бессмысленен. Все муравьи над своими задачами: держим цивилизацию, её, обреченную на смерть, мы, обреченные на смерть. Я биолог, и меня спрашивают: "Как может биолог бредить всей этой чушью?" Думать, что он больше, чем колония клеток. И вправду, как? Как можно позволить себе быть душой, так и не доказанной в своём существовании? Как может болеть то, чего по общему определению нет?

Сейчас повернусь и скажу: "Давай спать, поздно уже". Последний кусок приклеен.

2004 г.

Она

Она пришла, скинула сапоги и, переодевшись, стала готовить суп. Она думала о завтрашнем дне: куда сходить и что купить. Была спокойна и деловита.

Я никогда не считала её собой и всегда называла Она. Я жила больше ночью, путаясь в снах. У меня были дома, улицы, даже леса и озёра, которых Она никогда не видела. Она смотрела на моё тёмное озеро, но видела лишь несколько деревьев. Там, где стоял мой дом, у неё была дорога. Она считала, что права, и я не стала с ней спорить.

Когда-то давно Она была совсем маленькой, почти незаметной. Заползала под стол, играла в песочке, мало что умела. И глаза принадлежали больше мне, чем ей, и мозг был моим, почти целиком. Я считала взрослых примитивными. Тогда я просто не знала, что их Он или Она были уже очень большими.

1992 г.

Женщина, смазывающая лицо воском, дольше остаётся молодой.

Она мягко гладила своё лицо, разглядывая морщинки, потом, вздохнув, вышла во двор. Праздник уже начался, новый праздник тёплого лета.

Присев на плетёное кресло в тени, она замерла от внутреннего покоя. Тепло заливало веки, согревало кончик носа. Руки покоились в сладком безделье. Как всегда, вдруг прилетевшая муха вызвала волну дикого раздражения, словно от покоя до ярости – тонкая нить. Вернуться в ту слабость больше не удалось, губы лениво зашевелились.

Она ещё не стара, нет, только боится старости. Её подруга больна, а она... тяжёлая дрема вновь опускалась... будто чувствовала себя виновной за то, что ещё не болеет. Должна уже, но... очень неловко бывает говорить со сверстниками – пожаловаться не на что, сложно поддержать разговор. Темнота, тёплые красные пятна. Сон, словно жажда. Жажду нельзя наполнить. Пить, пить, пить... одно дыханье, второе, третье. Сладкое пробуждение на вдохе. Чистое небо. Нет, она ещё ничего. Только теперь жизнь так тепла. Тянется каждый час. Можно сложить руки, смотреть на деревья, ловить ветерок, вздрагивая губами. Сон ли это?

А вечером – звёзды. Маревы, запахи. Голые окна в ночи. Больше нет страха. Страхи уходят с возрастом. Кажется, ничто в мире не может причинить вреда, и сама звёздная ночь держит тебя на ладони.

2015 г.

Просто...

Случайная слеза упала на платье, что это? Ведь она и не думала плакать. Просто...

За окном наступали грозовые тучи. Зелень стала нестерпимо яркой. Тёмно-синее небо напряжённо застыло, его давящая сила легла на всех живых невыносимым грузом. Никому не приходило в голову стрекотать, щебетать, говорить.

Может, капля оттуда просочилась сквозь стекло? Не бывает же случайных одиноких слёз.

О чём она думала? Да, это была запретная тема, запретная для обычной девочки. Тема тоски, невнятной, как сложенные в груди крылья.

Сквозь раскрытые рты, гулкие мячи, крики и визг, говоря – "переменная икс", поднимая очки, сквозь танцы и смех, новые юбки, платья, пальто, стёртые ноги, локоть – "ай! как больно!" – сквозь холодные простыни, тёмные шторы, яркое утро... Всё! Сквозь прокрученность дней – вдруг... пустяки... возрастное, пройдёт. Нужно только научиться жить без "этого", и все пройдёт.

Отойди от окна. И поплачет за тебя дождь...

2015 г.

Что делать женщине лет за сорок?

Что делать женщине лет за сорок, когда она влюбляется в киноактёра?

Он молод, строен, красив. Она полновата и целлюлитно-прекрасна. Он живёт своею далёкой жизнью в далёкой стране. Она живёт обычной жизнью в обычной квартире. Он встречается с разными женщинами, меняя одну на другую. Она уже лет двадцать не встречается ни с кем. У него много дел и занятий. У неё мало дел, мало дел... У неё лишь тетрадь у окошка, кипа журналов, газет. У него интересные встречи,

у неё разваленный аккаунт в Фейсбуке. У неё никаких встреч-друзей. У неё уже всё запылилось. У неё так давно уже нет никого, кроме старой соседки, с тою можно хоть так, поболтать о погоде, о ценах.

Она берёт черную сумку, кидает ключи и старый мобильник. Сумку – через грудь и плечо, чтоб не вырвали и не украли. Она идёт решительно сквозь толпу, она встречает людей как врагов, с которыми нужно биться. Которые могут не слышать, как стонет сердце женщины лет за сорок, которая так тяжело, безнадежно любит далёкого киноактёра. Любит так, как могла бы любить, так преданно, чутко и нежно. Как, может, не любит его никто, как, может быть, и не любили.

Что делать, если исхода нет? Она ищет его в дебрях Фейсбука, она ищет вместе с другими, куда написать письмо. Она думает, что ему скажет. С трудом подбирает слова на чужом языке, возится со словарями. Она ищет стремление своей любви и своего желанья. Ищет дорогу сердца в далёкой стране, а может быть – за облаками.

2014 г.

Поздняя осень

Когда осень только начинается, особенно остро жаль прошедшего лета. Кажется, впереди только мрак и холод. Никакой не будет красоты.

Но приходит конец октября и ноябрь, и оказывается вдруг, что всё совершенно не так. Ветви деревьев прекрасны сами по себе, и можно долго любоваться изяществом линий и оттенками их неброских цветов: серого, коричневого, иногда красноватого и даже белого.

Один чудом уцелевший листок создает невероятную картину, и красота его воспринимается острее, чем тогда, когда листьев на деревьях много.

Ярко-жёлтый на фоне тёмно-синих, серо-сиреневых туч...

Небо богато ими – тучами и облаками роскошных бархатных оттенков. Днём их красоту высвечивает редкое солнце, а вечером уютно оттеняют фонари.

Красота возможна даже в это время – спокойная и утончённая, она ждёт внимательного взгляда и погружения в тёплое созерцание.

2016 г.

Жизнь красоты

Осень уходит. Уже свежо, морозно по вечерам. Но днём – солнце. Всё меньше листьев наверху, всё пышнее ковёр под ногами, впереди он расстилается, разрастается в стороны, вширь, струится по тропкам: жёлтый и разлапистый кленовый, нежный осиновый, мелкий берёзовый.

Дерево на поляне, а под ним нежный бледно-жёлтый круг. Хорошо, что листья у нас не убирают, хорошо, что в лесах их точно уж сгребать никто не будет, и красота длится, длится...

Осень не кончится, будет ждать другую осень, чтоб передать ей в точности всё, чтоб краски были те же, а воздух – свежий и терпкий, и светило бы солнце, а иногда был бы сырой туман и луна огромная, размытая в этом тумане. И дождь тихий, шёлковый, шепчущий по листьям. И снег внезапный в октябре, так что деревья согнулись, а иные сломались, окончив жизнь свою вдруг, среди ласковой осени. А снег был красив на жёлтых и даже зелёных ещё деревьях.

И может эта осень сумеет передать другой ещё одно чудо: цветущие шиповники и розы, белые сережки среди жёлтых листьев на вербах и прочие чудеса встречи осени и весны.

Красота вечна, и не бывает лучшей и худшей красоты. Она равновелика. Посмотришь в одну сторону –

роза осенняя с красными листьями и, чудо, белыми бутонами, готовыми взорваться цветами, но нет, не суждено, красные листья не дадут им силы. Смотришь, смотришь и понимаешь: красиво настолько, что ничего лучше не может быть. Но если посмотреть в другую сторону – ветви куста, проникшего сквозь ограду, мелкие листья с переходом от зелёного к жёлто-зелёному оттенку, а над ними серо-синее небо, сумерки, дальний свет. И можно смотреть, смотреть, красота открывается всё больше, всё глубже пространство, оно развернулось, зовёт, ждёт твоего взора. Невозможно напиться этой красотой.

А вокруг идут люди, останавливаются, смотрят туда же. И неудобно как-то: что подумают? – лучше уйти. А потом кажется: зря я смущаюсь, им наверное, тоже хочется остановиться, увидеть красоту.

Если встать под невысоким жёлтым кленом и запрокинуть голову, можно увидеть широкие листья, находящие друг на друга веерами-лапами. А сквозь них проглядывает небо, ровно столько его, сколько очертили листья. Голубой цвет неба темнеет, пошёл дождь – лёгкий шорох. Стоишь под шорохом капель, листья ловят их, не пускают к тебе, берегут, принимая дождь на себя.

И как ни жаль этой красоты, она уйдёт, но придёт иная: зимняя, снежная. Красота не исчезает, лишь всё время меняет форму, чтобы полнее раскрыться, показать как её много, чтоб уводить туда, где живёт душа самой красоты, где всё просто, чисто и ценно.

И чувство глубокое ранит меня, вернуться уже невозможно, стать такой как до этой красоты – невозможно. Рана глубока и серьёзна, но течёт из неё свежий ток. Слёзы текут тоже. Так и живу: хожу, сплю. А красота рядом и ждёт. А может, и не ждёт, но всегда мне рада.

Зимний закат

Зимний закат по-настоящему я видала давно, и воспоминания, в основном, из детства.

Розовый снег переливается, скрипит. Бежишь домой, снимешь лыжи, а ноги всё равно идут как на лыжах. И всюду яркий розовый снег, малиновые деревья и небо, хоть и синее, но с розовым отливом. Радость опьяняющая, счастье. Тело свободно взлетает, невесомо, дух переполнен. Кажется, птица!

Нет ничего, кроме этого счастья, розового, сверкающего, дышащего сладко, счастья *просто бытия*.

Лают собаки, весь мир готовится к чему-то, к завершению дня. Розовое прощание, горение небес, солнце яркое, небо – оранжево-красное. Всё!

2008 г.

Дело семьи

Зимний вечер, горка. Маленькие дети катаются вместе с родителями. В одной из семей – собака, золотистый ретривер, вернее, ретриверша. Это девушка в возрасте, и ей не до глупостей. Но семья её катается с горки, и важный долг – поддерживать дело семьи. С серьёзным видом она то сбегает вниз, то бредёт вверх в унисон с движениями катающихся. Незаметно, чтобы это доставляло ей радость или развлекало. Нет ни радостного круженья, ни прыжков, ни подбегания к хозяевам, чтоб разделить восторг. Только обязанность.

Вот ребёнка решили покатать на качелях – собака тут же, и знает что делать: лечь рядом и смотреть перед собой. Ребёнок с качелей упал и заплакал. Мама стала утешать его, собака лежала, ничуть не беспокоясь. Такие сцены ей, видно, не впервой, да и чего ещё можно ждать от этих глупых людей? Кто может поса-

дить на качели ребёнка, который ещё и держаться толком-то не умеет?

Мама тем временем, не зная как отвлечь мальчика, поднесла его к берёзам:

– Посмотри, какая кора! У-у, видишь, какая кора?

Малыш затих, потянулся ручкой к стволу, стал цеплять шероховатые чёрные отметины и совсем забыл о своей боли.

Внезапно собаку подняла какая-то сила, понесла к берёзам, и тут она нашла свой интерес. Обнюхивать деревья так чудесно! Сколько собак оставляют свои послания, столько нужно всего прочитать, понять об этих невидимых авторах! Она кружила среди берёз, углубляясь в рожицу, и вдруг, почуяв тишину, выскочила к горке. Семьи не было видно.

Взволнованно подняв голову, она вавкнула низким голосом раз, другой, и совсем близко, из-за гаражей донеслось:

– Лана, иди сюда!

И – вздох облегчения, опустила голову и спокойно побрела догонять семью.

2007 г.

Дом

Двухэтажный дом: старый, заросший деревьями, почти в центре города, рядом с трамвайной линией, рынком да девятиэтажкой, где я работала.

Помню, как однажды, стоя напротив, вгляделась в перекошенный балкон посередине, в ветхую решётку голубятни под треугольником крыши, и пространство вдруг оплыло и стало со мной одним, и сдвинуться, сдвинуть с этой точки тело – было никак нельзя. Мимо парило всё: трамваи, мысли о работе, люди. А если пошевелиться, то что-то сойдёт со своего места. Это же часть тебя, как рука.

Потом я стала сознательно приходить заранее, становиться на это место. Чуть постоишь, посмотришь на дом... Однажды мимо шёл старик: "Что, постою, погляжу, милого приворожу?" Не знала, что ответить, он больше не знал, что сказать, помялся и отошёл. А оплывшая масса вокруг стала ещё плотнее.

2006 г.

Вихри

Смотрю на недавнее фото комнаты общежития. Странно, этой комнаты больше нет. Она ушла в прошлое, переплавившись в нового владельца. Больше нет того дешёвого ковра, возле которого я сижу, нет клеёнки и цветка на столе, нет меня...

Приезжаю в родной дом. Там изменяются люди, а время застыло. Сколько бы ни был в разлуке, приезжаешь – всё как и было десять, двадцать лет назад. Осенью – стареющий сад с опавшей листвой, стаи ворон, серое небо. Воздух, запахи, сколько им лет!

Всё по-другому с временным жильем. С каждой комнатой уходит частичка кожи (вряд ли крови!) Но всё же, чего-то жаль. Комната в общежитии: просыпаясь, видела на стене надпись "Рома, я приехала. Ключи на вахте" – день чьей-то встречи и тепла. Кажется, что воздух комнаты набит прозрачными людьми. Сколько их было? Комната – вокзал. Разве можно назвать её домом?

В родном доме ранней весной узнаешь её, весну всю, до пролесковой глубины, как впитывал её долгие годы. В мае – знакомое море цветущих яблонь, звёздное небо зимой, осень...

Погружаешься в прошлое; в девятнадцать лет вот здесь думала о любви, у этого окна думала о времени, за этим столом читала, жадно впитывала всё, готовясь к чему-то захватывающему: моя жизнь будет не как у других.

И вот, достигнуто, вроде бы, многое, как кажется со стороны. А внутри – нет. Нет, там не всё погибло. Дышит живая грудь, ещё жива теплом, может и разгорится? Время внутри – сдвинет ли что-то?

Можно ли жить в транзитном жилье? С каждым прошлое уходит безвозвратно, словно меняешь кожу. Мы не стоим на месте – мерим шагами чужой уже парк, рядом с которым жили.

Можно ли остановиться? Чуть – и начинаешь задышаться. Дом детства – стержень, всё остальное – вихри, сносящие волосы, зубы, лицо. Но как же без них прожить?

1999 г.

Синие тучи на чёрном – душа?

Синие тучи на чёрном – душа?

Сегодня вдруг, в сумерки – острая тоска: серые тучи, серая река, ветер, хлопкú одежды, голый кусок пространства. За жёлтыми окнами – возможна ли радость? Тоска: нет дома, нет ничего, только жизнь, вот она в этот вечер. Её можно тронуть руками, просипеть простуженным горлом. Зажгли фонари, стемнело, стало легче.

Вспомнила, как в детстве стояла и думала: смерть – не увидеть больше рассвета, не вдохнуть. Просто и страшно.

Разве можно жизнь свести к внешнему? Разве можно клясть жизнь, когда это только рассветы, небо и всё, к чему можно лететь?

Лермонтов искал смерти. Такая большая, бессмысленная жизнь. Такая короткая и большая по своей пустоте, по заполнению этой пустоты, по непониманию её, жизни, непониманию с рождения в силу своего демонического дара любить смерть. Дара глубокого... как и всё на Земле, превратившегося в глупость. Потому что нельзя не быть смешным, не стесняться

высоких чувств, не проводить время жизни бесцельно.

Смерть – чистота, любовь к ней – поиск предела бессмысленности, поиск того, что лежит за тобой, вне тебя. И после неё – всё вдруг снова оказывается за тобой, но уже здесь. Всё, что не сделала рука, не подумал мозг – и то, как лежит твой родной труп в дожде, на дороге. Это свобода, это законченность. Здесь, и ни днём, и ни местом позже.

Смерть как неузнаное завтра...

Тело Лермонтова около трёх часов лежало на дороге, под дождём, пока искали подводу...

2002 г.

Состояние души – автобус

Состояние души – автобус. Старый, жёлтый, с дребезжащими стеклами. Копейки за проезд. Окна украшены стеклярусом дождей, серыми брызгами. Время души – ноль. Ещё нет ничего. Только автобус: множество слов обо всём. Стычки с кондуктором, запрет на багаж. Новая широкая улица мелькнула и пропала. Сколько лет на одном билете?

2004 г.

Километры

Ощущение разорванности пространства, когда едешь в автобусе или машине. Километры нереальны. Так хочется выскочить и прошагать это всё, но тут же понимаешь, что нет, и продолжаешь двигаться в капсуле: за стеклом меняются картинки.

Так ведь и нужно жить: приехал, уехал, поспал. Никаких высоченных деревьев, неба в звёздах и размытых пятнах (почти без черноты). Никаких домиков в сумерках, млеющих, с жёлтыми окнами, и вдруг –

за ними прятался лес, и вот он выносятся, движется прямо на нас. И никакого снега...

Бедная жизнь: боль на бегу, радость в дороге. Все думали, я уснула...

2001 г.

Всё будет тайна

– Александр Николаевич, Вы можете меня отпустить? У меня сегодня День рождения.

А сама уже в пальто, волосы сбились на одну сторону, в руках шапка. Александр Николаевич поспешно бормочет поздравления, тянется поцеловать, но она не замечает, стоит, опустив руки. Не терпится уйти. По пути к двери её ловят ещё несколько рук, пытаюсь поздравить. Словно не веря им, поспешно кивая в ответ, – неловко к выходу. Дверь...

Когда человек уходит за дверь, он перестаёт быть. Можно представить, как он выходит под снег, торопится, боится поскользнуться, тёмными улицами, трамваями... куда? Я даже не знаю, где она живёт. Можно представить всё, но всё будет ложь. Потому что за дверью человека нет.

– Поступило предложение принять проект решения.

Сказано так серьёзно, так неподдельно серьёзно на лицах, что мурашки бегут по спине. Двадцать одна рука.

Кто против?

Безмолвие. Безмолвие против. Каждый боится двинуться против. А в тайном голосовании – против один. Тайно – один против, он не боится, тайна. Хотя всем сразу ясно, кто это. Но он, вернее она, – с невинным лицом. Тайна бездоказательна.

Воздуха совсем не осталось, а очередной доклад только начался. Пытаюсь развеять мрачность, надо смотреть легче, поверхностней.

Докладчица, сверкая глазами из сине-тёмных теней, сбиваясь и путаясь говорит о своей работе. На одном из её плакатов написано "семЕнары". "Это, наверное, от слова «семена», разбрасывать доброе, вечное", – тут же съёрничал Александр Николаевич.

Все проживают не то и не так. Опять мрачность.

Александр Николаевич еле выжил недавно, выжил, чтобы снова вести учёный совет, пустословить, проказничать тонко. Выжил ещё, чтобы быть за стенами, за дверью, где его нет. Заботиться о жене, о сыне, читать книжки, когда его нет. Ведь можно представить всё, что угодно, но всё будет тайна...

2001 г.

Свобода – зло?

Сложно смириться с тем, что за все последние двадцать с лишним лет движения к свободе потеряно так много людей. Продолжаем терять и сейчас. И это так сложно: посмотреть в глаза их близких и сказать: "А зато есть свобода!"

Помимо рьяного разгула войн и криминала – всех насильственных смертей, помимо небрежения безопасностью, помощью. Помимо этого – ещё... свобода. Свобода выбора, сознательных шагов.

Никто тебя не ловит, не прессует за то, что ты ведёшь какой-то нездоровый образ жизни, никто тебя не лечит, не посылает в санаторий, на прививку и профилактический осмотр.

Свобода как расширенное поле смерти... Никто не запрещает умирать...

И всё же, свобода – это свобода, её нельзя не желать и не любить, и, в сущности, её нельзя продать и за кормушку, и за безопасность.

Только грустно, очень грустно, что она покупается такой большой ценой. Свобода с горьким привкусом несчастья...

Может, просто такова свобода после несвободы? Может, это пожинание её плодов, той несвободы? А думается, что свобода – зло...

2015 г.

Никогда не думайте о Времени...

Нормальный взрослый человек
никогда не размышляет
о проблемах пространства и времени.
Альберт Эйнштейн

Почти каждую ночь снилось, что она умерла. Беда была ощутима. Чувствуешь неотвратимое, изменить не можешь. Не знаешь как. Постоянно думаешь: "А вдруг уже"?

Не выдержав, понимая, что так говорить нельзя, сквозь мёртвые губы:

- Мне кажется, что ты скоро умрёшь.
- Знаю.

И спокойно, ясно рассказывает о своём предчувствии... нет, знании. До сих пор помню этот зимний день, разговор на кухне, серые дома за окном. Столкнулись с непостижимым. Сидим. Молчим. Ничего нельзя сделать, потому что не знаешь, как это будет. Неизбежность – словно яма. Вот она сидит рядом – и скоро, может, её не будет. И на пике отчаянья говорю:

- Это необязательно.
- Что?
- Что ты умрёшь.

Молчание. Цепляюсь за внезапную мысль:

- Я думаю, несчастье случится с твоим двойником в параллельном времени.
- ?

Почти поверив в это, продолжаю:

– Как-то раз у меня было такое предчувствие, когда ехала в автобусе. Это даже была уверенность. Все жуют, разговаривают, а я знаю... И только мысль: "Когда?" Потом, задержав дыхание, я представила, что владею реальностью, всем, что со мной связано, и разворачиваю её прочь от того места-времени, где неизбежна гибель. Возможно, мы просто чувствуем того себя, с кем происходит несчастье, чувствуем как себя.

Она чуть двинулась, разжала руки:

– Значит, это может быть лишь со-чувствование. Может, и существуют параллельные миры, и смерть – там и с тем.

Становится легче, мы себя убеждаем. Вроде бы ничего не изменилось, но намного легче. Уже веселее продолжаем разговор. За окном стемнело, и стало уютней.

Тогда, слава Богу, ничего не случилось. Потом пришло ощущение, что есть много параллельных ветвей времени. Иначе как объяснить, что в нашей обычной реальности столько чудес? Так много событий, вероятность которых слишком мала? Взять, хотя бы, возникновение жизни. Представляется вереница безжизненных планет Земля, а где-то нет и самой Земли. И так всё – от Вселенной до человеческих судеб.

Жизнь как киноплёнка. Линия неизменна. Сознание лишь перемещается в веренице застывших тел.

Потом всплыл в памяти сумасшедший греческий философ с идеей души-маятника, которая перемещается по параллельным телам, живёт в двух или нескольких жизнях одновременно. Причём, так, что мы этого не замечаем – нам кажется, что душа живёт непрерывно только в нашем теле. Потом был и Борхес с его "Садом расходящихся тропок", в котором вероятности ещё и совпадали, перекрещивались и вновь ветвились.

Но тогда... странное чувство отступившей беды с тобой-настоящим и странной тревогой за *того...* существующего ли? А может, всё-таки жившего и (кто знает?) в тот самый момент почему-то погибшего. И жуткое, почти до сумасшествия, чувство, что ты такой не один, и ты где-то далеко от своих нынешних слов и движений, от ряда безжизненных кукол.

1996 г.

Счастье новой жизни

Было темно, тепло и уютно, мягкий покой таился внутри, и снов почти не было, а только покой.

Но вдруг её уютный мир лопнул, ворвались непонятые чувства, и ещё ничего не понимая, она почему-то знала, что уюта сладкого сна больше не будет, и нужно выбирать.

Тело было другим, она вытягивала какие-то странные длинные ноги, перебирала ими в воздухе, пытаясь почувствовать их. Наконец, нащупав опору, она стала подтягивать остальное и выпростала себя наружу.

Некоторое время она сидела тихо, прислушиваясь к новым ощущениям, а потом поняла, что на странных ногах всё не закончилось, и на спине есть что-то, что требовалось развернуть и просушить. Чуть подвигав тем, что было у неё на спине, она поудобней закрепилась и отдалась яркому, оглушающему потоку жизни, льющемуся вокруг, понимая, что всё изменилось, и с этим ничего уже сделать нельзя.

То, что было на спине, разворачивалось, раздувалось, и от его колебаний сотрясалось всё тело. Она думала, что сейчас её сорвет и унесёт ветром, но потом вспомнила, что на такой случай у неё есть чудная прочная паутинка, не раз выручавшая её, и успокоилась.

Постепенно она стала понимать, что может двигать этими невозможными образованиями на спине, которые многие бы в этом мире назвали крыльями. Новое ощущение ей понравилось, она становилась смелей, двигаясь больше и радостней, и вдруг порыв ветра снес её с ветки, а спасительная паутинка не появилась. И стало по-настоящему страшно, поток воздуха взмывал вверх, так высоко и беспомощно она ещё никогда не болталась.

Отчаянно теребя крыльями, она внезапно ощутила, что может управлять движением тела, и паника улеглась, пришло новое чувство, что её не оставили такой уж беспомощной в этом новом теле. Вместе с новой жизнью у неё было новое тело, и его нужно было освоить.

Она начинала двигаться лучше и лучше, ошеломлённость не проходила, но вместе с тем появлялась новая, неизведанная радость. Она плыла, такая невесомая, чуть подрагивая дивными крыльями. И радость волнами размывала все её страхи, вселяя такое свободное и такое странное состояние. Даже голод она ощущала по-новому, радостно.

Голода она не боялась, в глубине её памяти хранились воспоминания о вкусных, обильных влагой листочках, искать которые ей никогда не приходилось, её пища всегда была рядом. Но странно, вместе с новой жизнью пришли и новые желания, листочков ей уже не хотелось.

Надо было прислушаться к своим новым ощущениям: воздух приносил сладкие манящие запахи, и уже зная, что нужно доверять всему новому, она устремилась к нежным ароматам. Чарующие волны становились все ближе, она понимала, что это её пища. Плюхнувшись на большой цветок, порядком измазавшись в жёлтых шариках, она расправила свёрнутый спиралью свой новый рот – хоботок – и жадно приникла к благоухающему напитку.

Такого наслаждения она не знала раньше, когда ела листья. Листья были вкусными и сытными, но новая жидкость – нектар больших белых и пушистых цветов – была столь чудным лакомством, что, отдыхая после еды, она всё ещё не могла поверить – жизнь, просто жизнь, которую, в общем-то, она знала, будучи гусеницей, может таить такое...

Прошное до того уютного сна – помнилось, но уже не чувствовалось как раньше, словно это было не с ней. Большой пласт жизни, долгий и однообразный, постепенно уходил из её памяти, и она всей душою стала ощущать себя новым существом. Ей было весело, вокруг было полно ярких красок, сладко и вкусно пахли цветы. Казалось, она и не жила до этого, привычный мир обновился, омылся чистым воздухом и счастьем.

Невероятно долгий день сменила теплая звёздная ночь, полная нежного сна. Ночь длилась как вечность, вбирала в себя волнения дня, покоила и питала душу.

2007 г.

Синяя весна

Весна пришла рано, пришла синью, синью режет глаза. Синью неба сквозь прозрачные облака, синью цветов-подснежников. Силюсь вглядеться в синий ковёр до глубины – так, что когда закрываешь глаза, синь остаётся.

Весна приходит западными ветрами, такими, что сложно не улететь. Трепетными, треплющими волосы – так, что застываешь и не можешь уйти. Ветер треплет подснежники, голые ветви яблонь и вишен, ветер приносит дыханье болот, запах сухих трав.

Закаты ярки, Луны огромны, небеса – звёздно-лунные над светлыми облаками. Огромное небо – огромное счастье. Небом любуешься в жизни только миг. Небеса скрыты потолками, сном, огнями горо-

дов. Пробовала спать на крыше, чтобы уйти в звёздное небо. Помню только комаров. Так всегда: рядом с великим – мелкое, стоит наготове, ждёт. Так в природе, так и в человеке.

2004 г.

Объятия Белой Луны

Когда полная Луна зависает над Землёй, когда взлетают к ней океаны, и сами недра Земли вздымаются, так тяжело оставаться на месте. Бесплодное светило жаждет вырвать частицу жизни, могучий зов её мертвых глубин лишает покоя и сна. Не потому ли так много взлетающих в лунную ночь?

Второй океан – океан крови – хочет вырваться, разламывая тело, но... оковы Земли прочней. И кровь бушует, не найдя выхода. Всё, что внутри, стремится на волю – в объятия Белой Луны...

2005 г.

Человек рождается для счастья?

Весенний холод закончился – короткая передышка перед белой жарой. Зеленеет, синеет, небо в рваных грозовых тучах, а внутри тоска. Не знаю, почему может быть по себе... Помню ли я свою первую весну? Вряд ли. Помню лишь каждый год безумную, изнывающую радость по тёплой майской весне. С треском мопедов, вязким воздухом. С тех пор – самое любимое время года.

Человек рождается для счастья? Где-то совсем рядом – таится измерение счастья. Вдруг попадаешь в него, и всё вокруг – ты, и всё вокруг – радость. Почему не жить так всё время? Сколько бед придумано природой. Ещё больше придумано людьми. Им словно не хватает болезней, стихий, живой человеческой бо-

ли. Им нужно больше боли, больше унижения. Им или нам? Можно всей жизнью подняться для счастья или для счастья нужно родиться?

Из науки мы знаем: у человека нет первичной морали. Нет когтей и зубов, нет и "не убий". Создали "не убий" потом, когда много было убито.

Говорят: все люди изначально нравственны. И понимаешь: да, так и есть, в каждом ребёнке – душа чиста. Для тела – верно первое, для души – второе. Вот она, борьба души и тела: у кого что победит.

В каждойдневной сутолоке кто-то забивает тело так, что оно принимает причудливые формы для мщения. Оно как жидкость – несжимаемо. Закрыты выходы – удар: проступит сквозь поры, дохнет ядовитым потом.

А кто-то забивает душу. Её – легче, она невесомее. Хотя, наверное, у кого как.

Только что прибежал Он: "Посмотри, посмотри, какая Луна огромная!"

Вот и счастье: ночь и Луна, и рваные облака, во дворе собаки. Простая чудесная радость, но как к ней войти?

2004 г.

Свободные воды

В детстве я сходила с ума от ручьёв. С начала весны не могла их дожждаться. И вот появлялись первые водные нити. Все дни проводила, расчищая им путь, разбивая заторы. Я не могла видеть, как вода мучается в своем несвободном русле.

Бывало, ручьи расширялись, превращаясь в буйные воды, они текли по дорогам, сквозь рощи и сады, огибали дома. Дороги становились реками. Вокруг царил тогда водный мир. Ему уже не нужно было помогать, вода находила путь к своей воле.

В детстве всё виделось иначе – вода была главным: её жизнь, познание этой жизни. Вымерять лужи,

ручьи, скорость потоков: устоишь или нет на той дороге, что стала рекой. Однажды хотела, как в кино, перемахнуть бурный поток, схватившись за ветку, но ветка вдруг наклонилась низко, окунув меня по пояс в холодную воду.

Для детей никогда, никогда вода не была врагом, не вызывала досаду: мы ждали её, узнавали, учились у неё, уважая, помогая справляться с преградами.

А для взрослых вода была хлопотной. Кому же понравится, когда она огибает твой дом, наносит во двор песок и мусор, смывает с огорода почву. Кому же понравится, что дети приходят по пояс мокрые, потом начинают болеть.

На взрослых лежит груз: обязанность, ответственность – организовать быт наших тел. Всё, что входит в понятие дом, хозяйство, здоровье. И это занимает время, а главное – большую часть души. Все существо человека заземляется, входит в извечный круг.

И нет уже места реке: река бесконечно стремится вдаль, сметая преграды, а жизнь в круге – это постоянное подчинение центростремительной силе. Чуть высунул голову – цап, тянет обратно.

Постепенно и твоё детское существо входит в круг. На тебя наваливаются правила, понятия, какие-то "важные" занятия, которые тебе совершенно не нужны. Наступает частичный плен. С течением жизни зона этого плена растёт.

Свободные воды остаются за кругом...

2007 г.

Смысла

Я ищу смысла, свой, какой-то особенный. Очень долго я искала его вовне, в бурном внешнем мире, оттого так полна моя комната разным хламом. Столько свалено сюда всяких вещей, столько разобрано, изучено, брошено. А из тёмных углов набрасываются

порой призраки людей, которых я слушала, и пыталась через их видение получить своё.

Эти говорящие матрицы неугомонны и вконец расстраивают мои планы.

Я сажусь совершенно без сил на старую табуретку и думаю, думаю, жду. Чего? Что всё волшебным образом сложится, что комната вновь засияет, а мусор и пыль растворятся в ярчайшем свете. Что войдут со светом и тёплые тягучие чувства детства, а может, будет что-то ещё, чего я совсем не знаю? Но я не хочу в этом свете потерять света звёзд, тайны ночного неба. Мне кажется, это будет такой свет, в котором есть всё: и снег, и луна, и чудо свежего ветра.

Сидя в своей тусклой комнате, я не могу почувствовать этой радости в земном мире. Будет идти снег, трепать волосы ветер, и яркая Венера сверкать в тёмно-синем небе, но странным образом я ничего не увижу...

2009 г.

Внутри себя

Я живу внутри себя и не знаю, как выгляжу со стороны, как смотрю на человека, разговариваю, и какой ему кажусь. Что у меня на лице?

Может быть, некстати шелушится нос или напряжение во взгляде? Я не знаю, я кажусь себе такой, какая и есть внутри.

А что читают люди? Что каждый из них думает обо мне?

2014 г.

Встреча

Мы встретились почти случайно. Как и прежде, за ним был огромный и чёрный провал, за мной так – намёк на бездну, заслонённую, впрочем, какими-то живыми картинами.

От его неприкрыто-затягивающей пропасти, как обычно, стало не по себе и хотелось заслониться руками, что делать в людном месте было бы, конечно же, глупо.

Он заискивал глазами и заулыбался, весело заговорил, прикрывая свою черноту.

Мы прошли в дальний угол и сели друг против друга. Тут уже можно было раскрыться. Нечто тайное и тяжёлое сломало мои живые картины и влилось в меня так глубоко, как я не знала себя никогда. Сопротивляться было бесполезно, да и незачем. Потрясённая, я пила его тайну и с удивлением узнавала свою.

– Там, где ты умрёшь, будут розы.

– Там, где ты умрёшь, будут пески.

Мы оба улыбнулись, даже усмехнулись, потому что знали: будет так.

Знали, что в нём лишь выжженный песок, и что я далека ещё от песка, ещё очень жива и полна чувствами этого мира.

Как странно, никогда не считала себя живой, *заставляла* себя быть живой, потому что этого все ждали от меня. Только он – впервые, тогда ещё, разбивал эту хрупкую стену, и, болея, я собирала её опять, чтоб защититься от него и от себя.

Он был мертвее меня и не прятал этого.

Да, он больше сделал нелепого в жизни, чем я. Был, может быть, менее цельным. Он женился, всё время много, трудно и как-то глупо работал, и странно проживал время. Но никогда, никогда он не пытался уйти от бездны. Она всегда была с ним, неприкрытая, он так и живёт с ней.

Какие-то обычные слова, обычные люди вокруг. Подошли, поздоровались, "как дела?", разбивая нас. У меня было время собраться с духом, спрятать глаза, а он не стал пытаться продолжить. Да и как можно продолжать то, что уже ушло, а на создание нового нет времени. Пора идти. И вновь веселье в тёмных глазах, шутки, непонятная грусть: "Может быть, ещё встретимся?" – "Да нет, *обязательно* встретимся". – "В гости..."

2005 г.

Поле зноя, поле зенита

Поле зноя, поле зенита. Из раскалённых облаков вырываются жгучие языки молний, норовя слизать что-либо ещё живое. *Самое страшное – не сгореть.* Не сгореть сразу же яркой вспышкой, испытав секундное мученье. Самое страшное – остаться жить. Жить лишь во имя жизни, тлея словно уголь, покрываясь язвами, беспрестанно моля о смерти.

Всё повернулось вверх дном, и от этого горько. Пожар и зной, солнце и молнии – ад на земле. Для чего миру дали столько огня? Он сорвался прямо с расплавленной звезды как раз в то время, когда мы начали жить хорошо и беды были уже позади. И от этого горько.

А было время, когда огонь дарил тепло, а солнце – жизнь, и, радуясь вероломной ласке, живые воспевали звезду зенита, лучшие жизни дарили ей. Почему же ныне их коварный идол затребовал жареной плоти и как милость избранным дарует смерть, смерть в миге короткой вспышки?..

1993 г.

Множество солнц

Разбитость тела, чего ж ты хочешь? А хочется при этом быть счастливой. Разбитость времени и дела, нет центра и смысла, ядра.

Всё это на полсуток, до вечера, тогда вдруг отпускает, и всё плывёт, плывёт, задыхаясь от счастья. Легко думать: мы живём не в ту сторону. Ночью всё так легко и ясно, можно жить и дышать.

А внутри – яркое солнце: греет, и понимаешь – твоё это солнце ниточками связано с другими людьми. В черноте висит множество солнц. Если идти к ним по этим ниточкам, всё будет просто. Это и есть нужная сторона жизни.

Но утро стирает всё белым светом, жёстким временем. Всё рассыпается неумолимо, чисто, сложно и перекручено. Прочные жгуты дня держат тебя на поверхности.

2006 г.

Дело ожидания

Ждём сантехников уже который день. Ожиданье превратилось в вечность. В принцип. Встать с утра пораньше, успеть позавтракать и одеться, заправить постель, ждать...

Каждый день проходит не напрасно. Ожидая, я что-то пишу и рисую. Дело ожидания предполагает радость бытия в творчестве и чтении, и разговорах.

В кои-то веки можно и поговорить. Дело ожидания – сближает и смягчает жёсткие черты. Мы сидим на кухне и гадаем: где они, сантехники? придут? Пьём чай, не выходим на улицу, смотрим в глаза друг другу. Говорим, рассказываем жизнь и ощущения. Как люди в поезде, когда все заняты одним лишь ожиданьем.

Стараешься не делать ничего, что отвлекло бы надолго. Сантехники ж вот-вот придут.

Так эту пустоту стараться делать былью бесконечно...

2014 г.

Холод

Среди апреля вдруг пришёл холод. Сковал льдом ветви и почки, готовые брызнуть цветами. Деревьям некуда укрыться. Им – или ждать, терпеть полными соками, ранней водой, что может разорвать их изнутри иглами льда, или умирать истерзанными этой водой. Будут ли цветы?

Ранняя весна не удержалась – сорвались снег и тёмный холод. Утром вышли под дождь с зонтами, в куртках, вечером бежали в заледеневшей ткани, в морозном ветре. Если остановишься – смерть. Лёд пронизжет снаружи. Было спасенье случайным – маршрутка, редкая, почти до самого дома. Тепло.

Сидели потом с закрытыми окнами, согревались вином и горячей водою, оттаивало внутри. Снаружи ветер рвал деревья.

2002 г.

Белая дорога

Этой весной сады не цвели совсем, погода стояла сухая, дожди обходили нас кругом. Тучи собирались, громыхали, веяли, дышали немислимой свежестью дождя, упавшего за кругом, и уходили прочь.

А вечером были звёзды, созвездия, расправленные новым порядком. Первые звёзды – самые яркие, под ними – листья до края взора, вся переливающаяся гора темно-зелёного цвета. Над самой её вершиной,

дальними тополями, светлый облачный след – дорога в какой-то другой мир.

Читала Майринка – про хождение души вместе с телом, души без тела, зажигание фонарей в этом и ином мире. Белая дорога и фонарь...

2004 г.

Чаша мира полна водой

Чаша мира полна водой и солнцем, и если всё в мире – вода, то плыть нужно на судах в виде рыбы и птицы, а также в виде круга, подобно тому, как солнце каждый день плывёт по небу.

Это навеяно философами Милетской школы. Первые философы – мифологичны, черпают изнутри. Рационалисты и скептики не в плане отрицания всего, а в том, что "думай сам", дыши и мысли – от себя, из себя. Мы же рационализм понимаем по-иному: ничего трансцендентного, и... занимаемся мифологизацией известных философов и писателей.

– Я думаю так...

– Но Аристотель сказал по-другому...

Вот цена нашему рационализму.

Невозможно читать и расхожие рассуждения о том, что мы всё воспринимаем через тело, а значит, не можем приобщиться к истине. Всё обманно и ошибочно. Бесконечно копаемся в этих "мудрых" мыслях. Это и сгубило философию. Только Милет был чистым, ярко-образным, искренним. Ведь познание – творчество.

Произведения искусства создаются вместе с телом, воспринимаются через тело. Откуда же в мышлении мы возьмем чистый дух? Познание тоже совместное творчество души и тела. Может, с этим смириться и идти дальше?

2004 г.

Море

В зоне ночных приливов, где правит луна, зыбкая серость прошедшего дня растворяется в волнах.

Из пришедших сюда глубин всплывает всё, виденное ими когда-то. Тяжёл этот груз, и масса воды стремится отдать свои тайны прибрежным камням, но те, не вынеся узнанного, рушатся, и вместе с обломками возвращают всё то, что носит в себе вода: искания, гибель, отчаянье.

И вода снова стонет сотнями голосов и, как ребёнок, бросается в сердце моря, прося утешения...

1993 г.

Эллада

Эллада. Я была на земле Древней Эллады. Как Афродита, выходила из моря. Видела места, где бродила Артемида. Артемида хранит этот край.

Море, рождающее богов... Всё из моря, всё из глубины... из розового утра, а утро в Элладе розовым светом наполняет глаза. Всё из сизо-зелёных гор, соснового запаха. Всюду цветы, аромат эвкалипта.

Благословенная земля – рай для небес, горы, горы тебя несут. Слезы потоками льют среди года, льют, что сплошная стена. Чтобы потом только солнце, только тепло – ровное тёплое утро, тёплый же вечер, сжигающий в пепел день, треск цикад и шорох прибоя.

2001 г.

Анталия

Анталия – область древней Ликии, а западней – и сама Иония. Иония осталась чиста, глубока, незавершённа. Незавершённа и несовершенна из-за персов.

И то, что я там была, пусть не совсем там, в Ионии, а рядом, помогло мне ощутить это время, и главное – то, в чём можно черпать такое: "всё есть воздух" и "всё есть вода". Мир словно дышит, потому что действительно там всё вода и всё воздух, и где одно, где другое – не отличить.

И прав Анаксимен, что вода – это уплотнённый воздух, это так, той прозрачной водой можно дышать. Большую чистоту и прозрачность сложно придумать. Может, потому – там рождалась свободная мысль: когда такой простор, ничто не в силах сдерживать человека. Он выходит из себя, нет, он туда и не входил, оставаясь между высоким небом и нижним, ещё более тяжёлым, хрустальным небом.

2002 г.

Я родилась с душою египтянки

Я родилась с душою египтянки, поэтому ночное небо стало для меня главным с первых лет жизни. Я смотрела на это чудо и не могла понять, как это другим совсем не интересны звёзды. Они спокойно разговаривали о своих повседневных делах, когда над их головами сияла вселенская бездна. Глубина, беспредельность, то, что превосходит наши жизни. Так я довольно рано поняла, что чем-то отличаюсь от людей вокруг.

Космос открывался мне поздним вечером в глубокой морозной тишине и ранним зимним утром, когда солнце ещё не успело тронуть небосвод. И было ощущение живого тёплого пространства.

У египтян вершиной общества были люди, способные видеть космос. Знания, космос, природа, потусторонний мир были главными...

2009 г.

Самолёты и звёзды

Как самолёты в небе не сталкиваются с луной и звёздами? Ума не приложу. Один самолёт и сам превратился в звезду.

Ветер разгорается сильнее. Самолёт уже почти кричит. Это неподъёмно ему против ветра, крыльев прятать он не умеет. Птица могла бы его научить.

Самолёты – вечны; стаи в небе, опираясь на большую пустоту, держатся.

Мы бы не смогли так и минуты...

2014 г.

Жил да был Кот

В небольшом доме на окраине Вселенной жил да был Кот. Он был волшебным, потому что обычный мир становился внутри него волшебным.

Есть ли у людей интеллект? – думал Кот, лёжа на крыше. Если да, то что тогда считать интеллектом? Каждодневный набор людских действий предполагал скорее природную инстинктивную программу, чем действие свободного ума. Больше же всего в пользу отсутствия интеллекта говорило то, что люди не склонны к отвлечённым занятиям. Они никогда не лежат на крыше, никогда не видят Вселенной и не думают о её природе. Люди вообще не интересуются тем восхитительным и загадочным миром, в котором живут.

Есть ли у людей душа? – думал Кот. Что они чувствуют? Как беспрестанно говорливы они, как суетливы, да ещё и скалят зубы время от времени, издавая странные громкие звуки. Наблюдение всего этого говорит о том, что если и можно предположить наличие у людей какой-то природной души, то о глубокой духовной сущности не может быть и речи.

Что нас, Котов, отличает от людей, – размышляла Кот, так это наличие неизъяснимой, бесконечно-таинственной духовной сути, простирающейся в глубины Вселенной и образующей с ней единое целое...

"А есть ли у Вселенной пределы?" – спросил себя Кот. Он привстал на горячей черепице и взглянул.

Вселенная простиралась далеко-далеко. Со своей крыши он увидел, как сразу за садом начинаются крыши других домов, и крышам этим не было конца. Так он пришёл к выводу, что Вселенная бесконечна.

Кот продолжил смотреть вдаль и заметил, что чем дальше от него находятся дома, тем дальше они отстоят друг от друга. Скопление крыш перед ним сменялось разбросанными домами на горизонте, а между ними были сады и лужайки. Они будто бы разбегаются друг от друга, подумал Кот, – причём, равномерно во всех направлениях... Что же это значит? Вселенная расширяется, да, да! Если дома разбегаются, значит, они когда-то льнули друг к другу, ну а если бегут, то, стало быть, к некому пределу. И выходит, что центром Вселенной, от которого всё стремится к пределу, является его дом!

Ошеломлённый этим открытием, Кот не помнил, как слез с крыши. Он не мог двигаться и долго сидел у стены, обхватив лапами голову...

2016 г.

Что бывает, если у миссионера нет кота

Однажды слушала радиопередачу с одним известным миссионером, ту, где ему вопросы задают. И вот, один мужчина спрашивает о животных. Как складывается их судьба после земной жизни?

Священник отвечает, что с точки зрения Догматического богословия – животные не имеют образа Божия и жизнь вечную не наследуют. Они существа только этого мира. А Вам, дорогой человек, надо о Боге побольше думать, а не о каких-то там животных.

Мы, люди, ко всему привязываемся, и считаем, что рай – это место, куда мы можем притащить всё, что любили на земле, а это не так. Но, – смягчается он в заключение, – детям в педагогических целях можно сказать, что умершая зверюшка на небесах.

Мужчина смущается, пытается возразить, но отступает. Дальше – следующий вопрос, и речь долго идёт уже о других вещах, но вдруг звонит ещё один человек. "Мы же идём к Богу, – говорит, – и, если мы с Ним воссоединимся, то встанем, как и Он, над временем, над временной лентой земных событий и так же, как и Он, войдём во всю земную историю, и будем видеть тех животных, что были нам дороги, и так они будут с нами всегда".

Священник тяжело вздыхает: "Не переносите Вы всей души своей на тварей, помните лучше о Творце. А то пока мы будем все свои вещи собирать, корабль-то может и отчалить".

После этой передачи у меня было смутное ощущение, словно меня обделили в какой-то мечте. Словно того, что я чувствовала наверняка, оказывается, не существует. Заснув с этим чувством, с ним и проснулась. Какой-то червячок в моей душе искал ответа, и я решилась порассуждать.

Ну, во-первых, что значит "с точки зрения Догматического богословия"? Догматов-то всего три: непорочность зачатия, Иисус – Бог и человек одновременно, и Бог един в трёх лицах. Как видно, речь о животных не идёт. Всё, что выходит за область догматов, в религии точно не определено. Весь мир, и земной, и потусторонний – тайна непостижимая, и знать наверняка что-либо сложно.

Во-вторых, часто на вопрос, есть ли Бог вообще, отвечают: "А в чём же смысл жизни человека? Что же получается, вот человек живёт, страдает – и всё зря? Мучения страшные – зря, и не идёт он к новой, радостной жизни?" А животным, выходит, можно мучиться зря.

Да и, вообще, в ответе проповедника смущало то, что он так смело говорит, приписывая Богу и раю свои черты. Да ещё вместо ответов на вопросы – поучения, о чём надо думать, а о чём нельзя. Словно любовь к животным – вовсе никакая не любовь. Словно ничто высшее ей не присуще, словно и не трогает она сердце даже самого нечувствительного человека.

Не с любви ли к животным в детстве начинается любовь ко всему и ко всем? Не животные ли дают нам образец самоотдачи, верности... а главное – кто нам прощает столько обид? Не животные ли раскрывают сердце в любви к порой совсем незнакомым людям? Для ребёнка и нет, пожалуй, разницы между его душой и тех, завидев которых, он радостно кричит и тянет руки, чтобы прижать их к себе.

И так, по мере дум, уходила тяжесть с души, равновесие вновь царило в мире моих представлений.

Через неделю – та же передача, и первый же звонок – тот мужчина, который вначале задавал вопрос, выпаливает: "Это я, который о животных... А как же...? А разве...?" И излагает те же аргументы, что и я.

Священник слушал, слушал, и, помолчав, ответил: "Да никто не запрещает их любить. Бога-то не забывайте, – грустно добавил он. – Молитесь о них, что ли, если любите".

Мне было радостно думать о моём единомышленнике. Мы победили. Победила Любовь.

Но у этой истории есть продолжение. Случилось так, что миссионер завёл кота. И вдруг, тон его проповедей изменился. Он стал рассказывать о Боге на примере своего кота. Что такое личность, и как строить отношения с Богом.

Так что, сделала я вывод, просто у проповедника не было кота. Из-за этого сыр-бор и разгорелся. Вот что бывает, если нет кота.

Незнакомые объятия

Москва, улица Рождественка и девушка с плакатом "давай обнимемся". Девушка такая радостная и приветливая, что сразу бросаюсь её обнимать.

– А я всегда мечтала, всегда мечтала, – шепчу я ей, – поучаствовать в такой акции.

Обнимать незнакомцев удивительно приятно. Это неожиданно и странно. Незнакомец ведь не то, чтоб враг, но фигура непонятная. И точно, просто так никого нельзя обнять. До объятия должна пройти целая вечность разговоров, отношений. Просто так, просто так – мы никого не обнимаем.

Девушка расслаблена и обнимает всей душой. Хочется стоять так долго-долго и пить эту энергию, тепло, наполняя раненную душу. Чувствуется, как внутри спадают крепкие оковы. Это было очень хорошо, так быть может только с незнакомцем.

Этот секрет знают дети и собаки, ищущие у всех случайной ласки, сладко отдающиеся нежданному добру. Это закон Природы и Вселенной – быть любимым: так как есть, и просто так. Быть любимым всеми, всеми, всеми...

Отошла уже в сторону, стояла и слушала уличных музыкантов. Смотрю: кто-то высокий эту девушку обнял и не отпускает, и стоят они так долго, долго. Думаю: ну, всё, попала она на какого-то парня. Это и должно было случиться.

Потом всё-таки высокий отстранился, и стало видно, что он тоже... девушка...

2015 г.

Заметки Нелитературоведа

– Вот вам тема, – сказал ему Чарский, – поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением.

А.С. Пушкин, "Египетские ночи"

Серебро

I.

Сто лет спустя душа остаётся той же, льнущей к Серебряному веку. Невидимое знание дало вдруг душе толчок и продолжилось, спустя сто лет, с той же прерванной ноты. Хоть звучания этой ноты – наяву ты и не знал.

Стихи некоторых современников нынешних схожи. Я нахожу схожих со мной поэтов. При всех, конечно, наших индивидуальностях. А что это? Ощущение нашего времени или закономерность, связанная с тем, что нужно допеть Серебряный век, так резко оборванный?

Что всё то, что было потом, при всей своей важности, – всё, что пытаются сейчас даже назвать "Бронзовым веком"! Всё это слишком односложно. В лучшем случае – лирика, в лучшем случае – выражение чувственных переживаний. Но философская нота, тем более, мистическая – слаба. Практически исчезла. Нет прорывов в духовную реальность, потаённых смыслов – словом, вершина Поэзии отсутствует.

Поэзия советского периода – гражданская, любовная, житейски-философская – тропа, ведущая в никуда. Потому что о том, что за житейным, запретили думать и разучились думать глубоко. Духовная линия прервалась.

А теперь вдруг врывается с новой силой в это болото тоскливого оптимизма, фальшиво бодрой нор-

мальности нечто такое, чему у прошлого поколения нет определения, и оно их пугает.

Новые стихи пугают своей непонятностью и неопределённостью, тайным, даже закрытым для сознания смыслом. Стихи вдруг вскрывают души, и более того, ставят все эти житейские "любви-дружбы" в какое-то слабое положение, потому что упущено было важное: мощная потусторонняя реальность с огромной силой и смыслом.

От этой реальности сейчас закрываются. Стихам с такой основой стараются даже препятствовать. Как будто непубликование – их может всерьёз остановить. Как будто можно ещё чуть-чуть продержаться на рубеже прошлого – этих стихов-рассказов, порой умных, тонких, но плоских в своей односмысленности.

И странно, сейчас большая поэзия рождается заново, но её не видно, она со всех сторон находится в тисках. С одной стороны – "добреньких" старичков-шестидесятников, цепко хранящих свой мирок и принципы этого мирка. С другой стороны – разросшегося, как болезненный гриб, какого-то псевдолитературного процесса, претендующего на основу литературы. Я имею в виду все эти концептуализмы, модернизмы и прочую "современную литературу".

Словом, условия неподходящие, но хочется надеяться, что поэзия глобальная найдёт свою дорогу в этом мире. Она приходит как бы ниоткуда, изнутри, из тех грандиозных измерений, с которыми соприкасается душа. Продолжает ту самую прерванную ноту Серебряного века.

2008 г.

II.

Первую часть – писала довольно давно, с тех пор я стала более... терпимой, может быть... и менее оскорбляющейся непониманием моего творчества и поэтов, мне подобных. Я, собственно, совсем не против

существования стихов самых разных: и незамысловатых-житейских, и так называемых современных. Более того, я считаю, что чем больше разнообразия, тем лучше. Пусть существует всё. Свобода – залог развития творчества. К тому же, никому не должно указывать кому-либо, что любить и что хотеть писать. Мне хотелось тогда сказать лишь о том, что никакие направления литературы не имеют права давить другие. И к глубокой поэзии символизма (называю условно, может, есть ещё неопределённые названием течения) нужно относиться с уважением.

2015 г.

Совершенство стиха

Стих должен быть совершенным, но важно определить, что считать совершенством. Обычно думают, что стих должен быть жестко регламентированным. То есть обладать точной рифмой, размером, не содержать нерифмованных строк и т.д. Отклонения автоматически воспринимаются как неграмотность. На самом деле, отклонения имеют право быть, более того, зачастую они необходимы, чтобы удивлять читателя, приковывать внимание.

Обычно ссылаются на Пушкина, на его гладкий по форме стих. Но Пушкин широко использовал прозаизмы, включал живую речь. Например, стихотворение "Бесы" начинается гладко, но потом – "гей, ямщик". "Чу!" – это ведь не потому, что Пушкин не мог и дальше виртуозно плести ткань стихотворения, а потому, что подсознательно чувствовал: нужно оживить стих, включить читателя в переживание. И Пушкину, между прочим, за это сильно доставалось от современников.

Спектр средств и приемов здесь велик и неисчерпаем, более того, каждый автор вправе вносить новизну. Аргумент "такого ни у одного поэта не было" –

не аргумент (это высказывание не содержит доказательства), а лишь завуалированные нападки: мол, есть некие авторитеты, а ты-то куда? Это может быть и не со зла, а потому что большинство людей прямо-таки поглощены авторитетами, не позволяют себе личных мнений и чувствований, словом, *связаны собою по рукам и ногам*. Лучшее средство от такой узости – постоянное чтение стихов разных поэтов, внимательное изучение их творчества.

Но возникает вопрос: как отличить приёмы от банальной неграмотности, неумения? Это и просто, и нет. Просто для нашей интуиции, для эстетического чутья. Если чувствуешь, что "неправильность" не искажает стих, не нарушает его внутренней гармонии, значит налицо авторский прием. Вообще, в природе и в искусстве нет жёстких правил. Так все ветви и листья у дерева – разные по размеру, но мы воспринимаем это как гармонию. В лице и теле любого человека есть асимметрия, но мы ею любимся. В научном эксперименте – идеально смоделированные лица вызвали отталкивающий эффект. Искусство даже запрограммировано на неточности и отступление от правил во избежание того, чтобы стать таким вот бездушным компьютерным манекеном. И любая картина, даже в духе реализма, – это не фотографическая точность. Не говоря уж о других направлениях живописи.

В искусстве, конечно же, есть законы, это внутренние глубинные законы, связанные с особенностью нашего восприятия, с тем, какие мы есть человеческие существа. С другой стороны, и во внешнем мире существует множество правил, полное соблюдение которых не строго обязательно.

Если автор может легко писать и безупречно рифмованные, безупречно ритмичные стихи – значит, под вдохновением вылившееся "искажение" вряд ли случайно.

Часто при выступлениях на литературных студиях – весьма состоявшегося автора свысока начинают поучать на предмет таких нарушений. Вряд ли эти поучающие, будь они даже филологами или просто высококультурными людьми, обладают действительно глубокими знаниями. Настоящие, то есть *вдумчивые* филологи – знают, как сложно порой оценить даже школьное сочинение (при проверке экзаменационных работ между учителями разгораются настоящие битвы). Так сложен живой, неисчерпаемый язык. Что уж говорить о стихосложении! Такой филолог если не знает чего-то определённо, не будет скрывать своего незнания (отличительное качество любого настоящего специалиста) и, скорее всего, адресует вас к другому ученому, как следует разбирающемуся в данной теме.

Ну, а логически, с точки зрения некой разумности, доказать, что ты не верблюд, очень сложно. Чаще всего у любителей и требователей таких строгих доказательств – не развито или нарушено эстетическое восприятие. Необходимо помнить, что искусство предполагает значительную долю *субъективного* восприятия. На то оно и не математика.

Даже самый лучший специалист может оказаться бессилён объяснить ваш совершенно новый, неведомый истории приём, который в будущем может занять место в школьных учебниках.

2015 г.

Неграмотный Блок

В письме редактору одного из журналов Александр Блок писал: "Всякая моя грамматическая оплошность в стихах не случайна, за ней скрывается то, чем я внутренне не могу пожертвовать; иначе говоря, мне так поётся".

Факт, что редакторы не смущались указывать известному поэту на его "ошибки". Блоку приходилось

отстаивать свои "троттуары" и "окна жолты", взывая к тому, что он достаточно грамотен, чтобы ошибок таких не делать.

К сожалению, с тех пор мало что изменилось. Лица, сражающие фразой "у меня филологическое образование", спешат авторитетно убедить автора в том, например, что "таких слов не существует", когда речь идёт о новообразованных словах – неологизмах, или в том, что он "пишет не в рифму", когда он выбрал рифмы неточные. Вообще, таковым филологам угодить трудно. Сложится вдруг стихотворение с точной рифмой – они скажут: "У-у, да вы использовали глагольную рифму, это слишком просто, так что и на стих не тянет, это просто упражнение". И при этом забывается, что и Пушкин, и Лермонтов – всюю использовали глаголы или прилагательные, ибо как же ещё достичь пресловутой точности? Ведь точно рифмующихся существительных не так много.

Возникает вопрос, а всегда ли филологическое, да и в принципе любое, образование – ведёт к усвоению знаний? К умению мыслить глубоко, рассуждать, аргументировать?

Николай Гумилёв в статье "Из писем о русской поэзии" заметил: "Великая его (Блока) заслуга в том, что он сбросил иго точных рифм, нашёл зависимость рифмы от разбега строки, его ассонансы, вкраплённые в сплошь рифмованные строфы, да и не только ассонансы, но и просто неверные рифмы (плечо – ни о чём, вести – страсти), всегда имеют в виду какой-нибудь особенно тонкий эффект и всегда его достигают".

Начало же этому процессу было положено ещё в девятнадцатом веке Алексеем Толстым. Стали законны рифмы типа "победу – обедай", "слышу – выше". У символистов же отклонения в точности рифмы стали культивироваться как художественный прием. Возникло экспериментальное стихотворчество. Брюсов: "убыль – рубль", "вызлить – дизели", "гори – ноздри",

"выселил – мысли". Далее опыт символистов использовали другие поэтические школы. Маяковский: "уже – сюжет", "с конца – торца", "с каких пор – шторм", "наводчики – штыки", "щека – лудильщика", "на запад – глаза под". (Примеры взяты из учебника Б.В. Томашевского "Теория литературы. Поэтика").

Можно "неправильно" использовать предлоги, если это достигает какой-то цели. Например, смотрят не с небес, а из небес. И даже существует авторская пунктуация.

Так что, автор всегда при своём праве. Но вынужден каждый раз право своё отстаивать, во все времена.

2015 г.

Дар

Мы заканчиваем специальные учебные заведения, обретаем профессии и получаем работу согласно диплому. И лезем по карьере вверх. И это всё естественно, понятно. Другого и не знаем ничего.

А вот поэзия, да и вообще, искусство... Здесь – те же принципы или другие? Что?

Когда приходишь в другую сферу, да ещё такую, как литература, которая, в общем-то, не требует каких-то особых навыков и подготовки... Слов везде такое море, слова все знают, их всегда есть, где взять, и поэтому почти каждый может быть стихотворцем – каждый мало-мальски способный человек. Пишущих людей сегодня много, так много, что в стихах можно утонуть. Доступна информация любая: как писать стихи, как над ними работать, даже рифмы подберут автоматически. Можно совершенствовать манеру, навыки стихосложения развивать. Но можно ли таким путём стать действительно большим поэтом?

И есть те, другие, у которых мозг должным образом настроен, и вглубь ведёт таинственная душа - в таком случае можно быть поэтом, просто поэтом. Им можно быть даже в пять-шесть лет, очень талантливым, неординарным, тому есть примеры, – и это ДАР. А дарование всегда без смысла и без причин, и неясно никому, откуда оно берётся. И это очень-очень раздражает. Поскольку выучиться этому нельзя – никак нельзя, механикой процесса овладев добротнo, вдруг стать талантливым.

О, это всё несправедливо так! Ну, просто очень-очень! Дарование – самая наинесправедливейшая в жизни вещь. Как будто кто-то свыше издевается над нами – старания не стоят ничего перед этой яркостью таланта, необычностью и свежестью его. Перед энергичностью и мощью слова, перед тем, что раскрывает он.

И талант оценить мало кто умеет, ведь для этого нужно иметь собственную глубину восприятия, мало независтливых людей, мало тех, кто просто ценит слово, не делая литературу ристалищем самолюбивых игр.

Дар непонятен самому поэту. Он часто избиваем за него. Сам может ощущать великую несправедливость отмеченности этим даром. Может даже бросаться учить неталантливых, поддерживать их: "Верю, у Вас всё получится, Вы ещё разовьётесь до моего уровня!" Ведь поверить, что он особенный, очень трудно.

Как же у него, обычного такого человека, оказывается пропасть в Иное Бытие, куда можно быть ввергнутым в любой момент и черпать, черпать смысла невероятных глубин, окрашивать их словом, вынимая на поверхность. Стихотворение – это код, зашифрованное послание, которое затронет потом чувствительную чью-то душу и приобщит к той глубине.

Всё это очень-очень непонятно, и не засунуть сие в рамки нам привычных дел: учебников, дипломов,

званий, наград, труда, успехов. Ничего, ничего этого у Таланта просто нет. И он так уязвим, невероятно...

На встрече в одной поэтической студии актёры кукольного театра показали сказку-притчу о гусенице и червяке. Червяк усердно рыл землю, строил ходы и смеялся над гусеницей, которая ничего не делала, лениво жевала, а потом и вовсе окуклилась. Но вот бабочка вдруг ярко полетела, а червяк остался на земле. Актёры потом жаловались, что показывая это в школах – нарываються на бешеную ярость учителей. Ведь те учат трудиться и трудиться, и якобы трудом можно достичь всего.

На той встрече в студии реакция большинства людей была такой же... Особенно реакция так называемых "профессиональных поэтов".

2015 г.

Одинокие поэты

Надпись "Академия поэзии". Я не знаю, что это такое, но серенькое здание живёт в районе "Массолита", и, может быть, относится к нему.

О, как много академий, школ, организаций и заправленных в них, и организованных поэтов. Они все чему-то учились, закончили чьи-то школы. "Я прошёл школу Кушнера", "я прошёл школу..." Так много разных школ.

Одинокие и неорганизованные поэты не заканчивали вовсе ничего, они просто читали стихи – может, не так уж много. И они слагают стихи, за которые им нечем оправдаться.

Те, солидные и заправленные, пущены в конвейер. У них проходят вечера, выходят книги. И в продвижение есть у них успех. Целая организационная машина обеспечивает чёткое и поступательное движение от книги к книге, от признания к признанию, от награды к награде.

Одинокие поэты так редки, так бездейственны и бесполезны, нелюбимы. И никто за ними не стоит. И вообще, их вроде бы как нету.

Те, в конвейере, пишут каждый день стихи. Они просто пишут, пишут, пишут. Они дружно наработывают пустоту. Пустоту, с которой трудно спорить. Мощно в этой пустоте друг друга держат. За бессмысленностью так проводят жизнь.

Одинокие поэты – небо, звёзды и что-то внутри. Душа, которая творит и не по расписанью пишет. Душа, которая выполняет заказ Космоса или Бога – всего того, что не имеет здесь материальной силы. Всего того, что здесь – не поможет им ничем. И потому их вроде бы как нету...

2015 г.

Параллельные миры

Наблюдаю и нутром чую, что в нашей стране существуют два разных направления литературной критики. Первое – это традиционное, академическое, второе – сравнительно недавно сложившееся союзписательское, я бы так его назвала.

Нормальных университетских филологов учат, прежде всего, прочитать стихотворение без разбора, просто как читателю, прочувствовать его, затем перейти к разбору, который включает в себя множество вещей и, главное, требует особых, глубоких знаний мировой поэзии, литературных, стилистических приёмов и т.п.

Ничего подобного не требует союзписательское литературоведение. Зиждется оно на требованиях логики, смысловой связанности и прочих чётких, ясных, математических вещей. Никаких образов, метафор, иносказаний, символов, мистических прозрений таковое ведение не терпит.

Разбор представляет собой какое-то нудное, до-тошно-въедливое и уморительное копание стиха, с цитированием энциклопедических словарей.

В случае "У лукоморья дуб зелёный" – критический обзор произведения будет выглядеть примерно так...

"Златая цепь на дубе". Уважаемый автор! Ну откуда на дубе цепь? На дубах обычно нет цепей, да ещё и золотых, её бы сразу стащили. А если Вы уж настаиваете на этой цепи, то необходимо разъяснить, откуда она взялась и для чего она там.

"Кот учёный... ходит... говорит..." Не бывает учёных котов. К тому же, говорящих. Это бред! Думайте, о чём пишете.

"Русалка на ветвях сидит". Русалка – существо из водных млекопитающих, в словаре определяется как "...", что ей делать на ветвях? Объясните.

Ну, и так далее, и это вовсе не передёргивание.

Девиз советской литературы – как в "Бриллиантовой руке", помните? "Главное в нашем деле этот, как его, реализм!" – всё чтоб реально, чётко и понятно. Доступно для народных масс.

Самое главное, что это чудовище советских времён, булгаковский "Массолит", продолжает существовать и по сей день, давить таланты, влиять на нашу литературу, да, по сути, душить её...

2015 г.

Стихи и варежки

Недавно наткнулась на целый список советов: как "раскрутить" свою поэзию в Сети. Одна девушка на практике опробовала разные способы и щедро делилась опытом. Среди её рекомендаций была и такая: "Ни в коем случае не выкладывайте серьёзные, глубокомысленные произведения, они отталкивают читателей..."

Давным-давно, в пресловутые девяностые годы приходилось мне подрабатывать вязанием варежек. В моих родных краях вязание на продажу пуховых изделий было обычным делом. Мне как человеку творческому – сложно было вязать простые серые варежки, и я стала украшать их всяческими узорами из белой пряжи. Результат "сбыта" оказался плачевным. Покупатели-оптовики активно интересовались, хвалили, восхищались... но не брали, ссылаясь на то, что те, кому они в свою очередь будут их продавать, не поймут этих премудростей. Пришлось мне тогда эту опытную партию подарить родственникам и друзьям, к их большому удовольствию.

Прошло несколько лет и узорчатые варежки стали нормой. Каких только не было изысков! Люди почему-то вдруг оказались готовы к прекрасному.

Так вот, про стихи. Часто сейчас приходится встречать сетования на образность: дескать, хочется, просто и понятно чтоб было всё, без затей. Просматривая рейтинги Авторов на поэтических сайтах, видишь зачастую, что пользуются спросом стихи крайне банальные, невыдающиеся. Они, серые, всем понятны и не раздражают никакими лишними премудростями.

По аналогии с варежками – думаю: может, наступит время, когда обыденное приестся, и волшебная, глубокая, образная поэзия станет нормой?

2016 г.

И если призрак здесь когда-то жил...

Бродский – человек прозрачной, медитативной души, изувеченный людьми, страной, а затем уже миром, не таким, каким он хотел его видеть. Человек, боящийся собственной глубины, безнадежно пытающийся вынырнуть, выплыть к поверхности:

*"У всего есть предел, в том числе у печали,
Взгляд застревает в окне, словно лист в ограде.
Можно налить воды, позвенеть ключами,
Одиночество есть человек в квадрате..."*

А дальше испуг, и вдруг какой-то дромадёр, морщась, нюхает рельсы. Дальше леса, белуги, лошади-пржевали и в конце совсем уж бытовуха: простор... как бельё с кружевами.

И сотни стихов с домами, грязными улицами – взгляд неприкаянного человека, и его эссе горькие: Стамбул – грязные кривые улочки, помойки и оборванцы, Айя-София не понравилась. Рио – шлюхи, оборванцы, лачуги и, походя, неземная красота – джунгли, море и пляж между ними (нигде в мире такого нет), но это ерунда, есть ведь скучные литераторы, компания, гостиницы, кабаки, надоевшая ему шведка, называемая "вещь". Как будто "вещи" и всё другое он бросить не в силах, держится и закрывается ими от красоты, которой больше в мире нет.

И капель в море:

"Я обнял эти плечи и взглянул..."

.....

*"И если призрак здесь когда-то жил,
То он покинул этот мир, покинул".*

2003 г.

Об Авторе

Натаалья Викторовна Ковылина родилась 8 августа 1971 года в городе Урюпинске (Россия). С юности интересуется философией и естественными науками. Получила образование биолога, степень кандидата наук. Дополнительно изучала дисциплину "этика и эстетика", английский язык. С 2006 года живёт и преподаёт в Москве. Любит творчество русских и английских поэтов-символистов, ценит авторов с неукротимой энергией и нестандартным образным мышлением.

Стихи начала писать с восемнадцати лет: сами собой начали приходить отдельные строки, позже – целые четверостишия. О своей поэзии рассказывает: "Пишу всегда по наитию, спонтанно. Стихи ко мне приходят, изливаются сами. Мои стихи – с одной стороны связаны со мной моими мыслями и ощущениями, а с другой – существуют независимо, словно что-то пришедшее извне и преломившееся через меня, как свет через призму. Поэтому я – такой же читатель своих стихов, как и любой другой человек. Записав их, мне после самой приходится их понимать... и до конца, сознательно, я их не понимаю. Моя собственная трактовка – лишь одна из читательских версий, каждый может увидеть *свой* смысл".

Творчество Натааьи Ковылиной привлекает непредсказуемостью метафор и многообразием ассоциаций. Это Поэзия Пограничий: балансирования на грани жадного любования жизнью и неизмеримой усталости от неё... полноты восприятия на грани Присутствия и Отчуждённости, Наблюдательности и Посредничества... прекрасных прогулок Рассказчика по грани значений и стилей... Остро чувствующий любую дисгармонию в мире и в собственных настроениях, этот Поэт бесстрашно ищет альтернативы в образах соседних измерений, но чаще – эта альтернатива сама ищет и находит его, преображая по своему

подобию и повседневность, и самоощущение. В книге Натальи Ковылиной поэтическое наитие сполна проявляет загадочную изменчивость состояний души, пребывающей в том хрупком межмирии, где сходятся свободолюбие и призвание. Читателям этой книги – Составитель хотел бы переадресовать слова, которые обратил к публике Федерико Гарсиа Лорка, представляя той Сочинителя, чьё творчество высоко ценил:

"Вы пришли сюда слушать Поэта, чьи чувства прошли выучку в мире, отличном от нашего... Поэта, наполненного таинственными голосами, которые, к счастью, он сам не может разъяснить. Я советую вам со вниманием выслушать этого Поэта и попытаться, каждый по-своему, заразиться его чувствами. Подобно спорту, поэзия требует долгой подготовки, но в настоящей поэзии всегда есть какой-то аромат, какой-то трепет, какой-то лучик, понятный для всех. И дай Бог, чтобы это послужило вам пищей для того зародыша безумия, с которым мы все ходим, но который многие убивают, чтобы нацепить противный монокль книжного педантизма, и без которого жизнь – безрассудство".

Содержание

Небеса, корабли	5
В жизни неземной	10
Сломанные Часы	15
Краткие строки, долгое эхо	81
Нет океана	98
Арифметика Крыльев	116
Там... (Поэма)	123
Над книгами	127
По горней Отчизне тоскою полна... (Поэма)	134
Чародей	141
Опоздавшие письма не рвут	148
Нелистья	160
Я рисую герберу	167
Заметки Нелитературоведа	207
 Об Авторе	 221

литературно-художественное издание

КОВЫЛИНА Наталья Викторовна

Истинное – незримо

Наития

**Составитель
Тереза Стизорик**

*В оформлении обложки и титульного листа
использованы картина и эскиз
Данте Габриэля Россетти "Блаженная Беатриче"*

Корректор: Тереза Стизорик
Компьютерный набор: Наталья Ковылина
Компьютерная вёрстка: Тереза Стизорик
Дизайн обложки и титульного листа:
Тереза Стизорик и Валентина Беляковская

Написать Автору:
kovylina-poetry@yandex.ru

Написать Fiolle Studio:
fiolle-studio@yandex.by